

С.В. Агейкина

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К СОЗНАНИЮ

Рассматривается природа и механизмы функционирования сознания сквозь призму когнитивной науки. Решающая роль при изучении феномена сознания отводится языку, потому что существенной частью сознания является тот пласт человеческого опыта по осмыслению и освоению мира, который выражается в языке. Понимание и изучение языка лежит в основе когнитивного подхода. Когнитивная наука, анализируя языковой опыт, выявляет механизмы мышления, определяет структуру категорий, присутствующих в сознании. Все это позволяет заявить, что когнитивная наука, изучая язык, способна ответить на многие парадоксы проблемы сознания.

В рамках современного научного исследования наблюдается стирание границ в сознании между субъектом и объектом. Это связано с тем, что бы ни говорили об объективности описания мира, все равно мы не можем полностью абстрагироваться от субъективности, «человеческого, слишком человеческого», как сказал бы Ф. Ницше. Антропоморфность знания подчеркивалась еще древними мыслителями. Следовательно, современная научная парадигма мышления должна учитывать когнитивные предпосылки.

В целом, процессы, происходящие в сознании, описывает когнитивная наука. Ее интересуют познавательные процессы и высшие психические функции человека, как он описывает мир и себя в нем. Иными словами, когнитивную науку интересуют процессы, протекающие в мозге. В связи с этим можно очертить проблемное поле исследования: насколько зависят друг от друга субъект и объект описания, насколько наше сознание зависимо от среды. Общеизвестным является тот факт, что сенсорная сфера зависит от органов чувств, а познание ограничивают возможности нашего мозга, что связано не с объемом памяти, а со способностями сознания самого человека думать и описывать мир.

Когнитивная наука исследует высшие психические функции сознания. Это прежде всего естественно-логические функции, яркой иллюстрацией которых служат математические умозаключения. Поэтому принято считать, что математические способности характеризуют высокий интеллект. Интеллектуальные тесты во многом направлены на выявление этих способностей. Для наглядности изучения процесса познания познающим субъектом можно опираться на методы компьютерного моделирования. Их сущность заключается в том, что они пытаются выявить формы продуцирования и формирования субъектом новых знаний на основе уже имеющихся в его памяти когнитивных схем.

Но гипертрофированное внимание к компьютерным технологиям и проводимым ими вычислительным операциям привело к тому, что сознание и разум человека стали рассматриваться по аналогии с компьютером. В обиход даже вошло понятие «искусственный интеллект». Такой узкоориентированный подход дал сбой, так как невозможно описать все многочисленные мыслительные процессы человека подобной метафорой. Более того, этот угол зрения исключает у человека наличие врожденных мыслительных способностей и ставит его в один ряд со всеми другими живыми существами.

Разум человека обнаруживает и проявляет себя как в номинативной деятельности по наречению мира и перекраиванию существующих языковых картин мира, так и в дискурсивной деятельности по описанию мира. Оба эти типа деятельности носят творческий характер. Вводя в когнитивную парадигму знания дискурсивную составляющую, мы получаем возможность понять более глубоко природу креативного начала в поведении человека, т.е. подойти к рассмотрению креативности как главной характеристики человека, проявляющейся во взаимодействии человека с миром, и определить ее как основную черту деятельности нашего сознания.

Поэтому на рубеже XX – XXI вв. рациональный подход к сознанию стал более гибким: он стал включать интуицию, эмоции, креативные способности, озарения. Стало ясно, что сознание нельзя описать искусственным математическим путем. Более того, изучение великих открытий привело к выводу, что все они продукт правополушарного сознания, работу которого связывают с гештальтами, невербализуемыми кодами, неподдающимися категоризации и классификации. В этом случае на помощь приходит язык. Если мы хотим описывать сознание объективно, то мы должны освещать и языковую сто-

рону процесса сознания. Нельзя игнорировать факт, что существенной частью сознания является тот пласт человеческого опыта по осмыслению и освоению мира, который выражается в языке. Понимание и изучение языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку [1]. Объектом изучения когнитивизма является язык. Главная способность человека – языковая, способность говорить и понимать услышанное. Именно человек как познающий и говорящий на определенном языке субъект формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде. Более того, говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации. Язык выражает знания человека, который как познающий субъект, исследуя определенный объект, выражает свой когнитивный потенциал. При этом познающий субъект не только активно воспринимает, но и продуцирует информацию. Сам когнитивизм возник в США примерно в 60-е гг. прошлого века. У его истоков стояли психолог Дж. Миллер и русский лингвист Н. Хомский [2].

Перед когнитивной наукой встала задача: понять, каким образом человек с его относительно ограниченными возможностями оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы знаний в крайне ограниченные промежутки времени. Какие закономерности и принципы управляют процессами в человеческом мозге, стало объектом изучения когнитивной науки. В свете указанной задачи когнитология оценивается как наука об общих принципах, управляющих мыслительными процессами. Базовые разработки когнитивной науки были заложены когнитивной психологией, которая стремилась проанализировать различные ментальные образования или структуры. Их называли по-разному: когниции, репрезентации, но главное, что присутствовало понимание того, что от их содержания зависят интеллектуальные способности человека. Когнитивная психология пришла к выводу, что все области сознания: восприятие, мышление, память, язык неразрывно связаны между собой. Таким образом, можно утверждать, что когнитивность сознания нуждается в междисциплинарном подходе.

Когнитивная наука выявляет механизмы мышления, определяет структуру категорий, присутствующих в сознании. Огромное внимание в ней уделяется процессам категоризации, так как любая модель человеческого поведения основывается на категориях как конкретных, так и отвлеченных. Категории классифицируют по общности, исходя из способности человека к созданию ментальных образов. На основании категорий сознание конструирует когнитивные модели. Важность момента категоризации в сознании подчеркивали такие когнитологи, как Браун, Э. Рош, Дж. Лакофф. Можно выделить различные уровни категоризации. Среди них основным является естественный (базовый) уровень категоризации, который включает познание объектов и их название [3]. Исследование стратегий категоризации на базовом уровне приводит к предположению, что опыт человека еще до его концептуального осмысления структурируется именно на этом уровне. Мы способны взаимодействовать с объектами реального мира, структурируя их по оппозиции часть – целое, с помощью основанного на гештальтах восприятия, двигательной активности и создания богатых ментальных образов. Это взаимодействие является источником доконцептуальной организации нашего опыта. Наши концепты базового уровня согласуются с этой доконцептуальной структурой, присутствующей в сознании, и осмысляются в ее терминах.

На этом уровне основывается весь процесс познания, базирующийся на свойствах сознания к созданию образов, воспоминанию. Процесс восприятия, происходящий в сознании, базируется на гештальтах. Он отражает, как сознание классифицирует информацию. При восприятии в сознании происходит разграничение предметов на общем уровне. Например, мы можем отличить бегемота от слона. Дальнейший процесс восприятия происходит на частном уровне и достаточно труден. Так, сложно разобраться в отличие одного вида слонов от другого. Но о содержании когнитивных структур можно судить только при помощи языка, потому что он кодирует когнитивные процессы. При этом нужно учитывать, что языковые знания передают всего лишь часть информации, другая ее часть конституируется в концептах. Поэтому герменевтические интерпретации смыслов текста могут быть разнообразны по своему содержанию.

Когнитивная лингвистика важна для получения данных о деятельности разума, так как она способна установить связь между языковыми и когнитивными структурами. Когнитивизм – направление в науке, в котором объектом изучения является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, что с ним связаны. Когнитивные состояния сознания – это понимание, интерпретация, верование (ментальные репрезентации). Человек активно воспринимает и продуцирует информацию, оперируя концептами. Мы считаем, что концепт – форма бытия когнитивных структур человеческого сознания, мышления и познания, которые находят свое отражение в культуре. Это структура, охватывающая все познавательные способности человека. Концепт включает логическое

содержание, аффекты и экзистенциальные рецепции. Он выступает как единство рационального и иррационального в сознании. Мы будем правы, если предположим, что концепты и их содержание меняются от эпохи к эпохе, а поскольку концепт является главной единицей сознания, то можно предположить, что содержание сознания меняется вместе с содержанием концептов. Следствием этого является разное восприятие сознанием внешнего мира в различных периодах истории культуры.

Понимание языкового выражения осуществляется как его интерпретация в различном контексте. Оно невозможно без концептов, за счет которых происходит отождествление и различение объектов. Они как бы подводят итог в этом случае и выступают как совокупность всех смыслов, схваченных словом. Сознание, с точки зрения когнитивизма, представляет собой процесс порождения и трансформации концептов. Существование концепта как сферы сознания возможно только благодаря тому, что последнему присуща такая важная черта как интенциональность (направленность). Мы считаем, что самые важные концепты отражены в грамматике языка.

Как считает Дж. Лакофф, язык – это окно в духовный мир человека, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов. Именно так можно охарактеризовать новый подход к изучению сознания. Самый надежный доступ к сознанию человека обеспечивает язык. Язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, так что изучение языка – это косвенное изучение процесса познания и сознания. Поэтому в когнитивной науке лингвистика оказывается в более чем выгодном положении, потому что знание языка ведет к множеству очевидных и обозримых последствий, более того, оно оказывается гораздо более открыто изучению.

Американский лингвист У. Чейф отдает языку должное, считая, что в нем совершаются процессы дискретизации, объективации и интерпретации. Новая парадигма научного познания – когнитивизм предполагает новую систему научных взглядов на язык как способ изучения сознания. В ее основе лежит установка, что человек эволюционировал в мире, устройство которого явно подчиняется некоторым закономерностям, поэтому его развивающийся интеллект тоже должен быть устроен в соответствии с некими общими принципами. Когнитологи исходят из того, что среда детерминирует восприятие, формы познания мира, а познание и его результат материализуются в языке, т. е. получают языковую форму воплощения. Когнитивная лингвистика исследует язык как средство организации, обработки и передачи информации. Язык изучается как когнитивная способность и неотъемлемый элемент сознания. В теории когнитивной лингвистики немало высказываний на эту тему. Например, язык – есть когнитивная деятельность, язык является неотъемлемой частью человеческой когнитивной способности, и он в то же время – часть мира.

Прежде всего нужно отметить взаимосвязь когнитивных и языковых структур языка. Когнитивные структуры сознания категоризируются и репрезентируются в языке. Неважно, как мы изучаем язык, в целях общения или в научных целях, в повседневной жизни, мы всегда имеем дело с различными структурами сознания, важнейшие из которых объективированы и сохранены именно в языковой форме. Поэтому цель когнитивного исследования заключается в том, чтобы посредством постижения языка проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости.

Когнитивная наука уже добилась, несомненно, значительных успехов в понимании реальных связей между языковыми и когнитивными структурами сознания, в изучении репрезентации тех и других в голове человека, в описании целого ряда процессов концептуализации и категоризации мира. Но направление подобных исследований было нередко односторонним: они использовались для объяснения языковых форм и особенностей их организации (типичным примером такого подхода может служить употребление в лингвистике противопоставления фона и фигуры). Можно, однако, изменить направление исследований на обратное, т.е. использовать языковые единицы и категории для объяснения деятельности человеческого сознания (так, вся область словообразования дает богатейший материал для анализа инференции как основного механизма во многих мыслительных операциях сознания человека).

Литература

1. *Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1.
2. *The Making of Cognitive Science 1988, The Chomsky an Turn, 1991.*
3. *Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1996.

12 мая 2007 г.

СТАНОВЛЕНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Постнеклассический этап развития мировоззрения и научной картины мира поставил новые задачи. Первая – устранение из современной постнеклассической картины мира ориентации на линейную однозначность; выявление онтологического статуса нелинейности, неопределенности как атрибутивных характеристик бытия; Вторая – становление ноосферогенетического синтеза всего корпуса знаний, в том числе и мировоззренческого, становления учения о ноосфере как новой научно-мировоззренческой системы. Третья – становление холистического мировоззрения и научной картины мира, представляющих мир как целостность, включающую человека. Решение этой триединой задачи способствует становлению нового неклассического синергично–ноосферного мировоззрения и общенаучной междисциплинарной единой картины мира как целостности.

Мы живем в переходную эпоху кризисов и перемен во всех сферах: природной, социальной, духовной, характеризующуюся девальвацией мировоззренческих ориентиров. Сформировать новое мировоззрение и новые методологические регулятивы само естествознание как частная наука не в состоянии. Задача естествознания – изучение природы, мира. Но осознать – что такое природа – вопрос мировоззрения и задача философии, способной осуществлять рефлекссию над наукой и философское осмысление мира, формировать мировоззрение новой переходной эпохи. Синтез философии и естествознания способен преодолеть тенденции иррационализма, деструктивности, мировоззренческого разброда.

Становление нового неклассического мировоззрения для России третьего тысячелетия является актуальным феноменом. Вопрос в том, как соединить в единое целое знание научное, знание обыденное, знание мировоззренческое, человеческую мудрость разных эпох. Смысл бытия современной философии состоит в поисках новой мировоззренческо-методологической парадигмы, позволяющей не только адекватно осмыслить современную реальность, но и создавать стратегии управления современного бытия и созидания будущего. Актуальными становятся идеи, ориентированные на становление целостного нелинейного мировоззрения и трансляции его посредством механизмов культуры и образования.

Раздробленность и передел философского знания в последние десятилетия привели к разрозненности научного и философского знания, которое несет предел созданию целостного мировоззрения с современной обобщенной картиной мира. Поэтому в условиях перехода к новому образовательному обществу с новым неклассическим интеллектом возрастает значение неклассических подходов, неклассической науки и Неклассичности в целом, которые позволят создать новую интерпретацию и новый синтез философии, образования и культуры для создания новой ноосферной цивилизации третьего тысячелетия.

Новое мировидение, формируемое современной наукой, приобретает новые черты. Во-первых, оно является холистическим, так как формируется с одной стороны, естествознанием, а с другой, науками о человеке, с помощью интегративных процессов. Модель мироздания, создаваемых естествознанием XXI в., представляет мир как целостность, включающую человека. Во-вторых, новое мировидение должно стать нелинейным, ориентированным на нелинейность мира, его познания и образования. В-третьих, такому пониманию мира сопричастной является концепция ноосферного знания, концепция ноосферизма (А.И. Субетто и др.).

«Ноосферное знание – это новое представление отношений «Человек-Природа», возникающее на стыке науки, философии, психологии. Здесь образ мира задается вместе с человеком, природа понимается как самоорганизующаяся целостность, включающая человека. Ноосферное знание предстает как место встречи духа и разума» [1, с 9]. В таком социокультурном контексте вытесняется самой самоорганизующейся реальностью проблема становления нового постнеклассического мировоззрения с новой научной картиной мира, новой рациональностью, новой культурой, новым образованием и новым бытием человека в мире.

В связи с этим постнеклассический этап развития мировоззрения и научной картины мира поставил новые задачи. Первая задача – устранение из современной постнеклассической картины мира ориентации на линейную однозначность; выявление онтологического статуса нелинейности, неопределенности как атрибутивных характеристик бытия; применение постаналитического способа мышления, сочленяющего три сферы анализа: исторический, рефлексивный и теоретический. Вторая за-

дача – становление ноосферогенетического синтеза всего корпуса знаний, в том числе и мировоззренческого, становления учения о ноосфере как новой научно-мировоззренческой системы, описывающей основы и механизмы становления «ноосферы будущего» в XXI в. и расширяющего учение о ноосфере В.И. Вернадского. Третья задача – становление холистического мировоззрения и научной картины мира, представляющих мир как целостность, включающую человека.

Решение первой задачи может осуществить синергетика, которая проецирует естествознание, естественнонаучное образование и его компоненты (научную картину мира, научный стиль мышления) на наш современный, бурлящий и изменчивый мир с его нестабильностью и неравновесностью. Она возвращает естественные и гуманитарные науки в мир нестационарности, нестабильности, открытости и самоорганизации. Концентуальным узлом новой парадигмы называет нелинейность. Новая парадигма есть парадигма нелинейности [2]. Синергетика дает значительное расширение поля исследуемых объектов, открывая пути к освоению сложных саморегулирующихся систем. Такие объекты характеризуются сложностью, уровневой организацией, наличием взаимодействия их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы. Понятие обратной связи вызвано существованием возвратных циклов в природе, принципиальной необратимостью эволюционных процессов в системах, далеких от равновесия. Линейные представления уступают место нелинейным. Линейная причинность уступает место циклической, в которой схема «причина – следствие» меняется на «неустойчивость – устойчивость – новая неустойчивость». Эта схема объясняет фазовые переходы, возвратные циклы в природе и социуме.

Что дает синергетика для мировоззренческих целей образования? В современном мире, потрясаемом темпом происходящих в нем изменений, глубиной нестабильностей и кризисных явлений, человек утрачивает мировоззренческие ориентиры. Как жить, для чего жить, какой морали следовать в жизни и своей практической деятельности, как выжить в условиях неопределенности и хаоса в мире – вот круг вопросов, на которые должен найти ответ человек. В таких условиях именно синергетика может стать новым мировоззренческим ориентиром. Она конструирует новое синергетическое видение мира, которое содержит философские рассуждения. Но в их основе в отличие от других философских направлений лежат результаты математических и естественнонаучных теорий. Таким образом, синергетика не умозрительно, а доказательно строит свою философию.

Что нового дает синергетика в мировоззренческом аспекте? Она открывает другую сторону жизни. Поясню на простом примере маятника. Если немного отклонить маятник в сторону от нижнего положения равновесия и отпустить, он будет колебаться предсказуемо по законам классической механики. Если поднять маятник в верхнюю точку и отпустить, то невозможно предсказать влево или вправо он начнет двигаться. Такое нестабильное и нелинейное поведение маятника является неклассическим, оно развивает нелинейное видение мира. Мир устроен так, что он допускает сложное. С.П. Курдюмов видит новые тенденции в научном мировоззрении [3]:

идея множественности, осуществляемая через многовариантность развития, множество форм приспособления к быстро меняющейся среде;

невозможность экстраполяции по времени сложных систем: в условиях неустойчивости системы: малое воздействие может приводить к катастрофическим результатам, дальнейшим цепным реакциям, которые развиваются по своим законам и приводят в действие мощные энергии;

срыв и изменение направления развития системы в точках бифуркации;

коэволюция систем, развивающихся с различной скоростью;

самоорганизация сложных систем;

осуществление режимов с обострением, в которых за конечное время энергия системы уходит в бесконечность;

идея эволюции как отдельных видов живых организмов, так и всей природы и человечества с созданием нового мировидения, новой культуры, новых социальных структур – ноосферной философии.

Включение синергетических объектов и процессов в научные исследования вызвало революционную перестройку в картинах реальности ведущих областей естествознания. «В противовес концепту мертвой природы, лишенной какого-либо импульса к движению, уже в XVIII в. зарождается и набирает обороты концепция самоизменения, самопреобразования природных тел и живых организмов» [4]. В мировоззренческом плане синергетика знаменует собой становление нового взгляда на окружающий нас мир и человека в этом мире. Синергетика не только меняет матрицу понятий, понятийный строй мышления, она перестраивает наше мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Она открывает ту сторону жизни, которая всегда считалась аномалией, досадным недоразумением.

Нелинейный мир – это мир с иными, отличающимися от привычных для классической науки закономерностями. Это закономерности выращивания сложных структур из малых флуктуаций (хаоса), построения сложного эволюционного целого из частей, направленности течения процессов, иные принципы симметрии и управления процессами развития сложных систем. Причем важно понять, что все реальные системы, как правило, открыты и нелинейны. И наоборот, закрытость и линейность есть исключение из правила, чрезмерное, часто неправомерное, упрощение действительного положения дел.

XXI в. – это время становления ноосферы будущего – общепланетной сферы разума как целостной системы знаний, технологий, информационных систем и как новой научно-мировоззренческой системы, описывающей основы и механизмы становления «ноосферы будущего». Предтечей учения о ноосфере явился русский космизм с его синтетическим мироощущением, реализующимся через категории соборности (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев и др.), цельности бытия, всеобщего сознания, принципа единства (П.Я. Чаадаев), всеединства (В.С. Соловьев), всечеловечности и всемирности (Ф.М. Достоевский, А.В. Сухово-Кобылин).

Великий русский ученый В.И. Вернадский, создатель учения о Биосфере, получившего во второй половине XX в. статус научной теории и признание мировой науки, выдвинул идею о Ноосфере – Сфере Разума как высшей стадии эволюции Биосферы. Сам термин «ноосфера» впервые был предложен в 1928 г. Э. Ле Руа в книге «Происхождение человечества и эволюция разума», в которой он пишет, что эволюция осуществляется новыми, чисто психическими средствами: через промышленность, общество, язык, интеллект, и таким образом биосфера переходит в ноосферу. Термин «ноосфера» используется в главной работе Тейяра де Шардена «Феномен человека», утверждавшей неизбежность слияния всех рас в единое человечество и его объединение с Природой и Богом.

Ноосферное миропонимание получило развитие в трудах Н.Н. Моисеева, в которых ноосфера выступает как разумная организация деятельности человека, обеспечивающая коэволюцию биосферы и человечества. Он утверждает, что «для обеспечения стабильности рода человеческого необходимо должны быть некоторые универсалии, определяющие представления людей об окружающем мире и своих обязанностях по отношению к тому, что их окружает – по отношению к Природе и другим людям. Именно эти универсалии мне и хотелось бы называть миропониманием». И далее: «Выработка миропонимания, формирование мировоззренческих универсалий, помогающих людям выживать в критических ситуациях, и утверждение их в сознании людей мне представляется в современных условиях важнейшей задачей цивилизации XXI в. И теперь этот процесс уже не может быть спонтанным процессом самоорганизации. Он должен стать процессом целенаправленной деятельности Коллективного Разума человечества. Успешное решение этих мировоззренческих проблем – ключ к будущему» [5].

Учение о Ноосфере и формирование научных основ ноосферы оформляется в виде ноосферологии (Б.Г. Режабек и др.), ноосферизма (А.И. Субетто и др.). Это учение должно стать основой нового мировоззрения, способного определить место и роль человечества во Вселенной и направление его эволюции. Ноосферное мировоззрение находится в стадии становления, представляя особую роль человека во Вселенной как единственного носителя разума. Создание основ ноосферного мировоззрения опирается на то, что лишь при гармоничных отношениях научного знания, философии и религии возможно понимание мира и выработка плодотворного и ответственного отношения к нему и требует синтеза разных знаний.

Большой вклад в современное развитие учения о ноосфере, живом веществе, биосфере внесли такие ученые как В.П. Казначеев, А.И. Субетто, А.Д. Урсул, А.Л. Яншин, Ф.Т. Яншина, Э.Н. Елисеев, Э.И. Колчинский, А.П. Огурцов и другие. В. П. Казначеев определяет ноосферогенез как космопланетарный процесс. А.И. Субетто определяет ноосферизм как теоретическую систему, которая должна «завершить преобразования основ научного мировоззрения, импульс которым задает учение о ноосфере В.И. Вернадского».

Современное развитие учения о ноосфере Вернадского и его оснований предстает как глубокий научно-мировоззренческий переворот, являющийся результатом развивающейся «вернадскианской революции» в системе научного мировоззрения. Ибо творческое наследие Вернадского в его целостности дало основания и предпосылки развития учения о ноосфере и поиска ноосферной модели будущего человечества и России. А.И. Субетто отмечает: «Учение о ноосфере В.И. Вернадского, в начале, в первой половине XX в., незамеченное человечеством, «взорвало» основания «картины мира», показало логику становления ноосферы – нового состояния биосферы Земли и геологической истории Земли, в которой «живое разумное вещество» или «ноосферный монолит» по Казначееву становится своеобразным мощным фактором в геологической истории» [6].

А.И. Субетто, развивая учение о ноосфере, называет его ноосферизмом и определяет следующим образом: «Ноосферизм – это не только новая модель бытия, социоприродного гомеостаза, но и новая философия, новая научная картина мира, новое качество человека. В этой философии понимание природы как Самотворящей Природы, Природы-Пантакратора, понимание не только бытия человека, но и Бытия вообще, как креативного бытия, становится важнейшим онтологическим основанием. Илья Пригожин заметил: «Пассивная Вселенная не способна породить созидательную Вселенную» [7].

В теории ноосферизма А.И. Субетто получает развитие теория ноосферогенеза В.И. Вернадского. Она развивается в направлениях: преодоление механистической картины мира через восприятие устройства мира как организма; ноосферный синтез единой науки; смены парадигм эволюционизма; спиральной картины эволюции; изменения представлений о пространственно-временном базисе существования Космоса, Земли, Биосферы; антропизацию научной картины мира; определения понятия неклассичности бытия.

Велика роль образования в становлении ноосферы. Космос создал человеческий разум на Земле не случайно. Его предназначение «оразумление биосферной эволюции». И наоборот, ноосферогенез поможет осуществить синтез всего корпуса знаний, в том числе и естественнонаучного с гуманитарным. Он предопределен революцией, происходящей в системе научных знаний и научного мировоззрения, становлением ноосферизма как междисциплинарного, проблемноориентированного научного комплекса и как новой научно-мировоззренческой системы. Существующие тенденции фундаментализации, гуманизации, экологизации, математизации образования входят в ноосферизацию образования в XXI в. как частности.

На базе представлений о природе как сложной динамической системы и ноосфере может быть осуществлен синтез частнонаучных картин мира и развитие общенаучной картины мира. В свою очередь сама общенаучная картина мира рассматривается не как точный и окончательный портрет природы, а как постепенно уточняемая и развивающаяся система относительно истинного знания о мире. М. Шлик утверждает: «Наука едина. Это не мозаика и не роща, в которой произрастают рядом друг с другом различные виды деревьев. Наука – это единое дерево со многими ветвями и листьями. Она делает возможным познание единого мира, который не распадается на различные реальности, например, на сферу природы и духа. Различие заключается не в сущности вещей, а в отличных друг от друга особенностях исследовательского процесса, а именно в различных способах исследования, применяемых гуманитарными и естественными науками» [8].

Таким образом, решение триединой задачи способствует становлению нового неклассического синергично-ноосферного мировоззрения и общенаучной междисциплинарной единой картины мира как целостности.

Литература

1. Черникова И. В. Философия и история науки. Томск, 2001.
2. Князева Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М., 2005.
3. Курдюмов С.П. Новые тенденции в научном мировоззрении. <http://spkurdyumov.narod.ru/KurdyumovSergPavlovich.htm>.
4. Ивушкина Е.Б., Режабек Е.Я. Философия и история науки. СПб., 2006.
5. Моисеев Н.Н. О мировоззрении и миропонимании. <http://nnmoiseev.narod.ru/mirivoz.htm>.
6. Субетто А.И. Ноосферизм. Т.1. Введение в ноосферизм. СПб., 2001; 2003.
7. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке (коллективная монография)/ Под науч. ред. А.И.Субетто. СПб., 2003.
8. Шлик М. Философия и естествознание // Эпистемология и философия науки. 2004. Т.1. № 1.

20 июня 2007 г.

И.М. Бондарь

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОБЩЕСТВО

Новые информационные и телекоммуникационные технологии способствуют заметному росту глобальной электронной торговли, улучшению качества жизни, здравоохранения, возможности оказания помощи в чрезвычайных ситуациях, международному взаимопониманию и построению общества, основанного на знаниях, потенциально содействующему появлению более сознательных, гуманных и лучше информированных граждан. В то же время использование технологий приводит к разделению общества на тех, кто владеет ими, и тех, кто не имеет возможности ими пользоваться, т. е. к тому, что называется

«цифровым неравенством». В исследовании телекоммуникационных технологий приоритетным остается формирование нового типа культуры, вызывающего изменение во всей социальной сфере.

«Любая достаточно далеко ушедшая вперед технология неотличима от чуда» – эти слова принадлежат английскому писателю и футурологу Артуру Кларку. Еще в 1945 г. А. Кларк в статье «Внеземные ретрансляторы» (Extra-terrestrial Relays) обосновал возможность создания спутниковых телекоммуникаций, передающих радио- и телесигналы по всей планете. С тех пор Кларка называют пионером глобальной спутниковой связи [1].

Революционное развитие телекоммуникаций является чрезвычайно важным в истории человечества, и то, что сделано учеными и инженерами в данной области за столь короткий по историческим меркам срок, поистине является чудом. Многообразно применение средств телекоммуникаций для управления в различных областях человеческой деятельности: в промышленности, в службах общественной безопасности, в радионавигации и т. д. Эта область техники оказала и продолжает оказывать весьма большое и все возрастающее влияние на мировую экономику и промышленность, так как доходы от выпуска соответствующего оборудования оцениваются в сотни миллиардов долларов, а радиопромышленность дает рабочие места сотням тысяч специалистов.

В радиотехнике и радиоэлектронике в полной мере проявилась мощь человеческого интеллекта. Их развитие происходило весьма высокими темпами и сопровождалось огромным числом открытий и изобретений. Значительное стимулирующее влияние они оказали на развитие смежных наук – физики и математики, так как проблемы, возникающие в области теории распространения радиоволн, теории линейных и нелинейных электрических цепей, теории обработки сигналов и т. д., требовали разработки нового математического аппарата и развития физических теорий. Созданные теории носят общий характер и применимы к гораздо более широкому кругу проблем, чем теории, которые привели к их созданию. Подобно тому, как Ньютон создал язык, который говорит нам и о падении яблока на лужайку, и о восходе солнца, Котельников и Шеннон – два корифея современной теории телекоммуникации – создали универсальный язык, применимый к весьма широкому кругу задач, связанных с автоматической обработкой и накоплением любой информации. Такие задачи возникают в теории управления, в теории принятия решений, в теории цифровых вычислительных машин и т. п.

В XVI в. изобретение книгопечатания совершило подлинную революцию в деле распространения знаний, прогрессивных идей, в обмене информацией, в объединении культурных достижений человечества, в дальнейшем развитии великого духовного процесса. Изобретение радио и создание в XX в. систем радиосвязи и вещания совершило в человеческом обществе еще более глубокую революцию, нежели изобретение книгопечатания. Оно поставило нашу цивилизацию на новую, более высокую ступень развития. В самых отдаленных уголках нашей планеты люди получили возможность, используя радио, знать о происходящих в разных частях мира событиях в области политики, науки и культуры. Они получили возможность общения независимо от разделяющего их расстояния. Мир стал теснее, а люди – ближе друг другу.

Характерной тенденцией развития телекоммуникаций в XX в. явилось все возрастающее международное сотрудничество в создании стандартов на системы разного назначения и в разработке общих для всех стран правил их применения. Начало этому сотрудничеству было положено созданием в 1865 г. Международного телеграфного союза. Безусловно, эта тенденция сохранится и в XXI в. Особенно далеко такое сотрудничество оказалось продвинутым в Европе, где активно формировалась единая для всех европейских стран правовая база (правила лицензирования, сертификации оборудования и т. п.) развития телекоммуникаций, включающая единое для всех стран данного региона распределение полос частот между различными радиослужбами. Более того, телекоммуникационные технологии позволяют объединить и сохранить уникальные достижения культуры. Ресурсы информации и творческих работ все в большей степени создаются, распространяются, становятся доступными и сохраняются в цифровом виде, создавая тем самым новый вид наследия – цифровое.

Цифровое наследие состоит из уникальных ресурсов человеческих знаний и форм их выражения. Оно охватывает ресурсы в области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и другого характера, созданную в цифровом виде или переведенную в цифровую форму из существующих аналоговых ресурсов. Цифровые материалы включают тексты, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и веб-страницы, представленные в широком и постоянно увеличивающемся диапазоне форматов. Многие из этих ресурсов, обеспечиваемых телекоммуникационными

технологиями, имеют непреходящую ценность и значимость и поэтому представляют собой наследие, которое следует сохранять и защищать для современных и будущих поколений.

Изложенная выше информация показывает, что в XX в., как никогда ранее, произошло объединение интеллектуального и производственного потенциала разных стран для решения многих вопросов разработки перспективных телекоммуникационных технологий. Это объединение создало условия для взрывного развития и распространения на Земле средств электро- и радиосвязи. Развитие телекоммуникаций в XXI в. приведет к формированию нового Глобального Информационного Общества, которое явится еще одним шагом на пути достижения единения всех живущих на Земле людей. В начинающемся информационном периоде развития нашей цивилизации информация – наиболее важное сырье и торговый товар. Доставка информации потребителю будет осуществляться по каналам телекоммуникационных систем, создаваемым на основе применения нескольких базисных инноваций. Создание национальных информационных ресурсов и уровень использования современных технологий телекоммуникаций для их доставки будет определять место страны в международном сообществе.

Деятельность человечества, связанная с развитием радиосвязи и вещания в XX столетии, приняла поистине космические масштабы. Всего в течение нескольких десятилетий она привела к увеличению уровня излучения нашей планеты в диапазоне метровых волн в миллион раз. По оценкам известного ученого-астронома И.С. Шкловского, так называемая «яркостная температура» Земли на метровых волнах, обусловленная работой телевидения, близка к нескольким сотням миллионов градусов, что в сотни раз выше «радиояркости» Солнца. Если бы существовала взвешенная цивилизация, то наблюдающие исходящую от Земли мощнейшую вспышку радиоизлучения, безусловно, поняли бы, что на Земле существует разумная жизнь и высокоразвитая цивилизация. Таким образом, мы вступаем в «телесообщество» (Э. Тоффлер) [2] или «глобальное информационное общество» (Й. Масуда) [3], сформированное на основе всеохватывающей информационной инфраструктуры, телекоммуникаций, спутниковой связи, компьютеров. Й. Масуда представляет новое информационное общество по аналогии с организмом, где все системы работают четко и слаженно.

В новой информационной эпохе могут иметь место проблемы глобального многоканального общества. О них в своих работах «Телематическое общество» и «Многоканальное общество» пишет один из ведущих специалистов по информатике, эксперт ИБМ Джон Мартин. Эти книги подтверждают, что концепции «информационного общества» на Западе разрабатываются еще и с технической стороны специалистами точных и технических наук. Как представитель технической науки Д. Мартин констатирует, что индустриальное развитие капитализма себя уже исчерпало. По его мнению, все западное общество с целью будущей лучшей социальной отдачи необходимо подвергнуть научно-технической реконструкции, поднять его на интеллектуально-технический уровень. Цивилизацию, полагает он, можно сделать возможной посредством коммуникаций в их различных модификациях. Говоря о том, что наука, техника, технология – явления интернациональные и на их пути глупо ставить пограничные столбы, Д. Мартин выходит на проблему «технопространства». Это техническое видение пространства трансформируется у него в социальное, в форме глобальной цивилизации. В его представлении оно безгранично и охватывает не только весь земной шар, но и космическое пространство.

Идею о роли телекоммуникаций в социальном изменении и интеграции мира Д. Мартин развивает в книге – «Многоканальное общество». Благодаря спутникам связи телевидение становится глобальным, а благодаря коаксиальному кабелю – местным. Кроме того, использование телекоммуникаций изменит модели трудовой деятельности, досуга, образования, медицины и промышленности. Фундаментальным образом могут быть усовершенствованы средства массовой информации и функционирования демократии.

Информационное общество проделало долгий путь со времени технологических успехов середины 90-х гг. XX в. Экономический спад, полный крах многих высокодоходных «точка com» бизнес-предприятий и политическая неопределенность, последовавшие за событиями 11 сентября 2001 г. в США, преобразили телекоммуникационный пейзаж, поставив новые вопросы и усилив существовавшую озабоченность. Главные вопросы, связанные с правами граждан в виртуальном мире – доступ к услугам, надежность и качество содержания, правила, в соответствии с которыми информация производится и распространяется – остаются в центре дискуссий о будущем информационного общества. Свобода выражения не может быть исключена из этих гражданских прав.

Новые информационные и телекоммуникационные технологии способствуют заметному росту глобальной электронной торговли, улучшению качества жизни, здравоохранения, возможности оказания помощи в чрезвычайных ситуациях, международному взаимопониманию и построению общества, основанного на знаниях, потенциально содействующему появлению более сознательных, гуманных и

лучше информированных граждан. В то же время использование технологий приводит к разделению общества на тех, кто владеет ими, и тех, кто не имеет возможности ими пользоваться, т. е. к тому, что называется «цифровым неравенством». Национальное управление электросвязи и информации США создало неологизм «цифровое неравенство» в «утонувшем в Сети» докладе, подготовленном Министерством торговли США. В нем отмечается, что более образованные американцы имеют больше возможностей пользоваться инфокоммуникационными технологиями (ИКТ); неравенство между американцами с высоким и низким доходами увеличивается; белые американцы имеют больше возможностей пользоваться ИКТ, чем афроамериканцы или латиноамериканцы; сельские жители имеют меньше возможностей пользоваться ИКТ, чем городские; семьи с двумя родителями почти в два раза чаще имеют доступ к Интернету, чем семьи с одним родителем [4].

Международные проблемы, возникающие вследствие «цифрового неравенства», более или менее одни и те же. Отмечается явное неравенство, существующее между развитыми и развивающимися странами. Еще одним фактором, который способствует разделению населения в мире, является доминирование английского языка в Интернете. Pimienta (2000) отмечает, что только 10,5 % населения во всем мире владеют английским языком: официальным, разговорным или выученным в процессе обучения, тогда как 75 % всех доступных материалов в Интернете – на английском языке. Для сравнения: материалы на французском, испанском и итальянском языках занимают только около 2 %, а на португальском приблизительно 1 % [5]. В исследовании телекоммуникационных технологий приоритетным остается формирование нового типа культуры, вызывающего изменение во всей социальной сфере. Рассматривая роль информационных технологий в обществе необходимо оставаться на позиции амбивалентности, выявляя не только их положительное, но и отрицательное влияние.

Литература

1. Clark A. Extra-terrestrial Relays. Wireless World. Oct., 1945.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
3. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.
4. Bowie N. A. Bridging the Digital Divide. Leading the Way (On-line Edition) Winter 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uwmb.org/ltw/winOI/coverstory.htm>.
5. Pimienta D. 2000. Ya-t-il sur l'Internet un espace pour d'autres langues et d'autres cultures que celles des Etats-Unis? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.webworld.unesco.org/infoethics'98>.

6 июня 2007 г.

Е.В. Дашкова

ПОНЯТИЕ «СТИЛЬ»: ГЕНЕЗИС И КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Раскрывается понятие «стиль», история возникновения данного термина и первоначальная практика его использования в период античности. Отражена специфика философского осмысления этого понятия в эпоху Просвещения и в XIX-XX столетиях. Рассмотрено функционирование термина «стиль» в рамках искусствоведческого, лингвистического, науковедческого, психологического и социологического контекстов. Отмечено контекстуальное разнообразие типовых признаков понятия «стиль», что позволяет утверждать невозможность однозначного обобщенного его определения и использование при определении данного термина подхода, названного Л. Витгенштейном «семейными сходствами».

Сегодня трудно найти такую область человеческого знания и деятельности, в которой бы не использовалось слово «стиль». Этот термин активно используется искусствоведами и лингвистами, культурологами и модельерами, философами и дизайнерами, психологами и архитекторами, социологами и художниками. Он значится в «теоретическом арсенале» как ученого-естественника, так и обществоведа-гуманитария. С полным основанием можно сказать, что термин приобрел междисциплинарный (межотраслевой) характер, и проблема его функционирования в этом статусе уже является предметом специального рассмотрения [1].

История возникновения термина «стиль» и первоначальная практика его использования уходит своими корнями в античность. Это слово «этимологически происходит от *stylus*, заостренного прутика, используемого для письма на воске греками и римлянами. Здесь смысл метафоричен; так же как мы говорим о вдохновляющем или анонимном пере, о быстрой или смелой руке. Стиль человека первоначально был его характерной, особенной манерой письма: возможно сначала с акцентом на форму

его письма, его почерка, позже, конечно, с отсылкой скорее к его выбору и комбинации слов» [2, с. 3]. Аристотель использует этот термин в «Поэтике» и «Риторике», в третьей книге которой под стилем понимается способ словесного выражения предметов в правильно составленной речи о них. Уже здесь Аристотель попытался выделить группу взаимодействующих, синонимичных со стилем понятий – способ, форма, манера [3].

Вряд ли можно восстановить всю историю того процесса, в ходе которого термин «стиль» путем расширения и изменения своего значения распространился на всю сферу искусства. Но уже начиная с Нового времени, он широко используется в теории языка и литературы, искусствоведении и философской антропологии. В эпоху Просвещения предпринимаются первые попытки философского осмысления этого понятия, установления его более четкого понятийного содержания путем обсуждения в рамках уже выделенной Аристотелем «категориальной сетки»: способ – форма – манера. Здесь следует сказать о И.В. Гёте (1749-1832), который в статье «Простое подражание природе, манера, стиль» (1788) выделяет три ступени развития художественного творчества, обозначение которых вынесено в название статьи. Стиль знаменует собой высшую ступень развития творческой индивидуальности. Если простое подражание природе позволяет охватить объективные свойства предмета, познать их, то манера представляет собой «сердину между простым подражанием и стилем». Она знаменует индивидуальную свободу художника, возможность, оперируя формами, в субъективных образах отображать эти свойства. Стиль же – это «познание сущности вещей». В эстетике немецкой классической философии понятие «стиль» приобретает более четкие категориальные ориентиры. Например, Ф.В. Шеллинг (1775-1854) отмечал необходимую связь стиля со способом. Он указывал, что относительно мышления эти понятия равнозначно выражают субъективные особенности творческой личности [4]. Г.В. Гегель (1770-1831) противопоставлял стиль манере, подчеркивая, что манера есть «внешняя сторона формы», а стиль объективен, хотя и отражает своеобразие человека. Стиль объективен именно потому, что он связан с предметами и вытекающими из этих предметов заключениями. Манера случайна, стиль же закономерен [5].

И.И. Винкельманн (1717-1768) в работе «Истории искусства древности» (1763) впервые использует «стиль» в качестве одного из основных понятий искусствоведческого анализа. Вся история древнегреческого искусства подразделялась на три периода по стиливым признакам: «строгий стиль», «высокий стиль», «изящный стиль». Считая древнегреческое искусство непреходящим образцом для всех времен и народов, он вводит понятие «идеального стиля», к которому должны стремиться все художники.

В конце XIX – начале XX в. понятие «стиль» все больше используется для характеристики отдельных этапов эволюции художественной культуры: благодаря работам таких искусствоведов как Г. Вёльфлин (1864-1945) и А. Ригль (1858-1905) это понятие становится основным принципом исторического изучения искусств, развитие которых понималось как процесс закономерного чередования или смены стилей. Но в начале XX в. идея «исторического стиля» получает «второе дыхание», прежде всего благодаря творчеству Освальда Шпенглера (1880-1936). В 1919 г. выходит в свет первый том его книги «Закат Европы», основная тема которой состоит в обосновании тезиса, что «у истории нет всеобщей логики, она исчерпывается лишь рождением и умиранием культурных организмов» [6, с.13]. Что обычно называют всемирной историей человечества, является на самом деле, по мнению Шпенглера, историей процесса рождения, юности, зрелости, старости, и, наконец, гибели восьми замкнутых в себе и неповторимых великих культур: египетской, индийской, вавилонской, китайской, греко-римской (аполлоновской), византийско-арабской, культуры майя и ныне существующей западноевропейской (фаустовской). Сравнение разных культур возможно, по Шпенглеру, на основании стиливых характеристик культуры. История каждой из восьми культур представляла собой имманентное развертывание культуры из ее «прасимвола». Этап зарождения культуры заканчивается формированием свойственного только ей уникального стиля. «Поэтому в общей исторической картине культуры может существовать только один стиль, а именно стиль этой культуры» [7, с. 306]. Но имеется некоторое сродство стилей разных культур, которые «...все, в качестве организмов одного и того же вида, обладают историей жизни родственных структур» [7, с. 307]. Именно это и есть, согласно Шпенглеру, история «больших стилей». Уже принятые в искусствоведении обозначения «романский стиль», «готика», «барокко», «рококо», «ампир» являются не самостоятельными стилями, а отдельными фазами стиля западноевропейской культуры. Что же такое «стиль культуры» у Шпенглера? В тексте книги нет прямого ответа на этот вопрос. Поскольку образно-поэтическому языку Шпенглера несвойственны точные дефиниции, то использование термина «стиль» сопровождается целым набором метафор: «стиль есть судьба», «стиль как почерк», «стиль – совокупность форм», «стиль – преднамеренное и неизбежное устремление всякой деятельности», «стиль – душа культуры».

Стиль, конечно, связан с художественным творчеством, но эту связь Шпенглер трактует очень своеобразно. «Стиль есть судьба. Он дается, но его нельзя приобрести. Сознательный, намеренный, надуманный стиль есть ложный стиль ...» [7, с. 298]. Стиль есть выражение бессознательного душевного элемента, хотя стиль и возникает благодаря человеческой воле, художественному стремлению к символизации. Но художник становится великим не потому, что он порождает стиль, а потому что он интуитивно чувствует душу культуры и становится выразителем только ей свойственного стиля. «Стили не следуют друг за другом, подобно волнам или биению пульса. Они не имеют никакого отношения к личности отдельных художников, к их воле и сознанию. Наоборот, стиль в качестве посредствующей стихии априорно лежит в основе художественной индивидуальности» [7, с. 306]. Поэтому именно стиль дает понимание бытия человека, его индивидуальности. «... Стиль есть постоянно новое переживание человека, полное выражение мгновенных свойств его становления, его «alter ego» и отражение в зеркале» [7, с. 306].

Для ответа на поставленный выше вопрос есть смысл обратиться к обобщающей характеристике Альфреда Крёбера (1876-1960), одного из лучших исследователей стилевых определений культуры. Шпенглеровское исследование «морфологии мировых культур» Крёбер называет «...попыткой выразить стиль культуры. Он является характеристикой всюду проникающей формы (It is characterization of pervasive form), образа (Gestalt). Тотальная форма, вычленяемая не последовательным переходом от предмета к предмету, а как целое, постигаемое в качестве интеллектуальной целостности наподобие слитка после отливки». Его окончательное заключение о возможности использования понятия «стиль» в характеристике культуры является положительным. «Стиль является нитью культуры или цивилизации: последовательный, самосогласующийся способ выражения некоторого поведения или реализации некоторых видов действий. К тому же этот способ избирателен: должна существовать альтернатива выбора, хотя фактически она может быть и не реализована. Где правит принуждение, физическая или физиологическая необходимость, там нет места для стиля» [2, с. 150]. Понятие «стиль» используется при характеристике художественного творчества в диапазоне от явлений эпохальных до специфики отдельных произведений. Но в литературе мы не находим единой точки зрения по вопросу о содержательных элементах этого понятия. Чаще всего стиль трактуется как «устойчивая целостность или общность образной системы, средств художественной выразительности и различных приемов, характеризующих произведение искусства или совокупность произведений. Стилем также называется система признаков, по которым такая общность может быть опознана. В современной теории стиля существуют различные мнения об объеме понятия стиль: с ним иногда связывают весь комплекс явлений содержания и формы, но чаще ограничивают его значение структурой образа и художественной формой» [8, с. 514].

Прямо противоположную точку зрения высказывает Ю.Б. Борев: «Стиль в искусстве – это не форма, не содержание, не даже их единство в произведении. Стиль – набор “генов” культуры (духовных принципов построения произведения, отбора и сопряжения языковых единиц), обуславливающий тип культурной целостности. Стиль как единая порождающая программа живет в каждой клеточке художественного организма и определяет структуру каждой клеточки и закон их сопряжения в целое. Стиль – императивный приказ целого, повелевающий каждым элементом произведения» [9, с. 136]. Конечно, использование автором биологической и программистской терминологии вряд ли способствует прояснению существа дела, но главным здесь является стремление подчеркнуть определяющую роль идейного замысла в формировании стиля произведения. Свою точку зрения Ю.Б. Борев подкрепляет анализом пушкинского «Медного всадника», основная идея которого, по его мнению, состоит в выяснении вопроса о соотношении истории и современности, личности и государственности, счастья и законности. «Эта идея – ядро концепции поэмы, определяющее ее поэтику и стиль, в котором оказываются гармонически объединены одическое (представляющие Петра и государственность) и обыденное (представляющие Евгения и личностность) начала» [9, с. 137]. Решению этой задачи служит отбор лексического материала и других выразительных средств, так что с полным правом можно сказать, что стиль обуславливает стилистику.

Обращаясь к проблеме определения понятия «художественный стиль», А.Ф. Лосев и М.А. Тахо-Годи специально отмечают, что не считают возможным использовать при его характеристике термин «идея» в виду одной из его трактовок как обобщенного содержания. Стиль не может сводиться ни к форме, ни к содержанию художественного произведения, ни даже к их единству. «Художественный стиль есть принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей, которые, однако, имманентны самим художественным структурам произведения» [10, с. 38].

Интерес представляет попытка В.Г. Власова «восстановить» в своих работах концепцию «исторических художественных стилей». Он исходит из того, что художественный стиль не может выступать фактором, однозначно характеризующим историческую эпоху. «Любая историческая эпоха слишком сложна и противоречива для того, чтобы найти свое отражение только в одном художественном стиле». Вместо термина «стиль эпохи» он предпочитает употреблять термин «исторический стиль», подчеркивая, что «таких «исторических стилей» в каждую эпоху, как правило, бывает несколько и каждый из них по-своему выражает те или иные тенденции развития искусства». Каждый «исторический стиль» складывается из борьбы, взаимодействия различных «художественных направлений».

«Понятие «стиля» – настаивает В.Г. Власов – применимо только к художественному творчеству. ... Использование слова «стиль» в быту или в иных, нехудожественных сферах человеческой деятельности возможно лишь в качестве метафоры» [11, с. 546]. Но вряд ли допустимо игнорировать практику использования этого термина в других областях научного знания.

В XX в. проблема стиля интенсивно рассматривается в сфере лингвистики, а также в социолингвистических исследованиях, где анализируются стилевые особенности речевого общения в различных социальных контекстах с точки зрения их реализации в социальных действиях индивида и группы. В западной литературе этот аспект функционирования термина «стиль» рассматривается в рамках «дискурсивного анализа», где социальный контекст предстает в различных измерениях: межличностном, социоструктурном, идеологическом, прагматическом [12, р. 14-17].

Из разнообразных типов научных контекстов термин «стиль» прочно утвердился и в психологии. Таким образом, поле деятельности термина «стиль» становится очень широким. Нам представляется сомнительной сама возможность конструирования чистого, универсального понятия «стиль». Даже в истории искусств оказывается невозможным четко очертить границы господствующего художественного стиля не только во временных рамках, но и в наборе существенных признаков. Выход за рамки искусствоведческого контекста и рассмотрение функционирования термина «стиль» в рамках лингвистического, науковедческого, психологического, социологического контекстов показывает, что набор этих признаков существенно изменяется.

Контекстуальное разнообразие типовых признаков понятия «стиль», невозможность однозначно обобщенного его определения позволяет нам утверждать, что мы здесь имеем ситуацию, аналогичную описанной Л. Витгенштейном при рассмотрении термина «игра». Рассматривая процессы, которые называются “играми”, он подчеркивает, что мы имеем здесь «сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [13, с. 111]. Эти подобия Л. Витгенштейн называет «семейными сходствами». Аналогичная ситуация складывается в современном мире, и с термином «стиль». Если понятие не удастся четко ограничить, то остается, подчеркивает Л. Витгенштейн, только один способ его введения: путём примеров. При этом «приведение примеров здесь не косвенное средство пояснения, – к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Ведь любое общее определение тоже может быть неверно понято» [13, с. 113]. Но использование термина «стиль» в культурологическом контексте имеет один существенный общий признак: стиль всегда связан с выбором. На это неоднократно указывает Л.Г. Ионин: «...Говорить о стиле можно только тогда, когда есть выбор»; «когда выбора нет, мы имеем дело или с традицией, или с канонам, когда есть выбор, можно говорить о стиле» [14, с. 159-160]. А. Крёбер также отмечает, что стиль возможен только тогда, когда существует «альтернатива выбора» [2, с. 150]. Стиль в отношении человека как носителя культуры – это всегда выбор. Стилевой выбор, стилетворчество – это возможность человека по созданию, конструированию своей собственной субъективности и вместе с тем возможность осознания самим себя как творца, субъекта культуры.

Литература

1. Павловская О.Е. Проблема функционирования межсистемного термина стиль в гуманитарных науках // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. Ростов н /Д, 2004. № 2.
2. Kroeber A.L. Style and civilizations. New York: Cornell, 1957.
3. Аристотель. Риторика // Античные риторика. М., 1978.
4. Шеллинг Ф.В. Философия искусств / Пер. с нем. П.С. СПб., 1996.
5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т 1. М., 1968.
6. Драч Г.В. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н /Д, 1998.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н /Д, 1998.

8. Недошивин Г.А., Чёрных А.М., Чудакова М.О., Кантор А.М. Стиль в литературе и искусстве // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 24.
9. Борев Ю.Б. Эстетика: Учебник. М, 2002.
10. Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы (природа и ее стилевые функции у Р. Роллана). Киев, 1998.
11. Власов В.Г. Стиль, стилизация // Стили в искусстве. Словарь. СПб, 1998.
12. См.: Styles of discourse / Ed. by N. Coupland. London; New York; Sydney, 1988.
13. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994.
14. Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.

19 мая 2007 г.

М.Н. Жарова

МЕДИЦИНСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются актуальные социокультурные и философско-антропологические аспекты информатизации общества в области медицины. Выделены уровни медико-информационных процессов в современном обществе. Проанализировано качественное своеобразие медицинской информационной реальности, отражающей все многообразие медицинского знания, накопленного человечеством. Специфическими элементами современного медико-информационного пространства являются рекламные блоки информации о различных медицинских услугах населению, мощный поток информации о методах и средствах влияния на состояние здоровья, основанных на различных видах вненаучного знания (опыт народной медицины, духовные практики и т.д.). Сделан вывод, что медицинская информация формирует «картину медицины и здравоохранения» в соответствии с культурно-историческими особенностями общества.

Процессы демократизации, начавшиеся в 90-е годы прошлого столетия в нашей стране, открыли широкий простор для свободы в области распространения информации. В хлынувшем в российское общество ее потоке огромную долю составила информация медицинского характера, касающаяся процессов диагностики, лечения и профилактики различных заболеваний человека, а также улучшения состояния физического, психического и духовного здоровья, возможностей эстетических преобразований тела человека. Одной из отличительных особенностей современного российского общества является активное внедрение медицинской информации в массовую культуру и формирование массовой медицинской культуры, включающей в себя как исторический опыт врачевания многих народов мира, так и сведения о новейших достижениях современной научной медицины.

Медико-информационные процессы в современном обществе порождают комплекс проблем, требующих многоаспектного теоретического осмысления. В частности, это проблема влияния потока медицинской информации на массовое и индивидуальное сознание, в ходе которого формируется массовая и индивидуальная медицинская культура. Огромный поток медицинской информации возник в соответствии с изменившимися в ходе социально-политических, экономических и прочих преобразований, происходивших в России в последние десятилетия, потребностями общества и отдельных индивидов. Потребность в сохранении здоровья, свойственная человеку любого исторического времени и любой культуры, актуализировалась, приобрела в новых социокультурных условиях новый смысл и заняла в иерархии личных и общественных ценностей одно из первых мест.

Изменение общественной ценности здоровья человека связано с действием ряда широко известных факторов демографического характера. Это рост смертности населения, падение рождаемости, рост заболеваемости социально опасными и формирующими высокий уровень смертности населения заболеваниями, ухудшение показателей состояния здоровья детей, подростков и лиц призывного возраста свидетельствовали о необходимости изменения отношения людей к своему здоровью. Создавшаяся ситуация определила ориентацию государственной политики в России на сохранение здоровья граждан. Целью данной политики стало формирование в общественном сознании установок на сохранение здоровья, здоровый образ жизни, профилактику и своевременное лечение заболеваний. Одним из методов достижения этой цели стало информирование населения по широкому спектру медико-социальных вопросов.

На индивидуальном уровне здоровье стало рассматриваться как ценность, без которой невозможно ни существование, ни развитие, ни становление человека духовно-социального существа, а кроме того, в ходе развития рыночных отношений в области здравоохранения пришло понимание, что сохранение и восстановление здоровья требует от человека материальных затрат, часто очень значительных.

Потребность в медицинской информации обусловлена мотивацией «знать». Н.Л. Селиванов, анализируя этот вид мотивации в разных культурно-исторических условиях, выделяет несколько ее классов. В частности, для всех биологических систем первичным уровнем мотивации «знать» является «знать, чтобы выжить». Этот простейший уровень мотивации проявляется в процессе активного поиска и восприятия медицинской информации человеком, стремящимся сохранить и улучшить свое здоровье. Мотивация «знать, чтобы быть», по мнению Н.Л. Селиванова, «представляет собой потребность постоянного становления и актуализации. Целью знания для становления является формирование индивидуальных программ выживания и развития, проектируемая каждым познающим субъектом и осуществляемая им с помощью репрезентации в информационном поле. ...Такая мотивация формируется в сознании, действующем в потоке постоянных и качественных изменений информационной реальности, переопределяющих поведение субъекта» [1, 440]. Мотивация «знать, чтобы быть» отражает стремление субъекта не только к познанию мира во всей его полноте и многогранности, но, прежде всего стремление к собственному становлению в условиях информационного пространства современного социума. Процесс становления и самоактуализации человека требует здоровья во всех его аспектах – телесном, психическом, духовном, социальном, поэтому востребованной оказывается вся медицинская информация: научная и научно-популярная, о «традиционной» и «нетрадиционной» медицине, новейших медицинских технологиях и духовных практиках.

Медико-информационные процессы протекают в современном обществе на различных уровнях организации социокультурных взаимодействий, по многочисленным каналам и в разнообразных формах. Все уровни циркуляции медицинской информации сформировались в ходе многовековой истории существования медицинской деятельности в обществе. Это уровень научно-медицинского познания, уровень системы практического здравоохранения, уровень информационных процессов, протекающих между представителями медицинского сообщества, пациентами и их родственниками, уровень информатизации широких масс населения.

На каждом уровне информационные процессы имеют свою специфику, обусловленную культурно-историческими факторами. На уровнях научно-медицинского познания системы практического здравоохранения ведущее значение имеют проблемы информационно-технологического характера. На уровне информационного взаимодействия медицинских работников с пациентами и их родственниками сохраняются этико-правовые и психологические факторы. На уровне информатизации широких масс населения на первый план выходят социально-философские, философско-антропологические, культурологические, гносеологические проблемы массовых коммуникаций и массовой культуры.

Медицинская информационная реальность включает разнообразные блоки и потоки информации, отражающие все многообразие медицинского знания, накопленного в истории человечества. Это сведения из области научного и вненаучного медицинского знания – отечественной народной медицины, восточной медицины, современных направлений целительства, разнообразных духовных практик. Разнообразные формы вненаучного медицинского знания отражают стремление человека видоизменить себя в лучшую сторону на всех уровнях – телесном, духовном, психологическом. Человек стремится не только избавиться от болезней тела, но и понять их причины, а затем устранить их. Система духовно-практического знания содержит в себе комплекс духовных методов и практик, основанных на религиозных, философских или изотерических идеях, направленных на восстановление здоровья человека, причем духовная составляющая рассматривается как основополагающая.

Профилактическая направленность отечественного здравоохранения в сочетании с развитием рынка медицинских услуг обусловила возникновение потока рекламной медицинской информации. Преобладает реклама центров пластической хирургии, стоматологических, офтальмологических, косметологических центров, а также центров, оказывающих широкий спектр медицинских консультативно-диагностических услуг населению. В рекламе, как правило, не оговаривается, а предполагается, как само собой разумеющееся, что медицинские услуги предоставляются на основе добровольного медицинского страхования.

В.В. Миронов, анализируя коммуникационные процессы в контексте современной культуры, отмечает, что «изменяется качество информации, которая передается уже не только на уровне понятий, ...но и на уровне образов. Информация становится внешне более доступной, легко воспринимаемой.

Это резко увеличивает скорость ее обработки и накопления. Однако, одновременно это приводит и к невиданным ранее возможностям трансформации ее содержания, вплоть до полного искажения при сохранении внешней объективности»[2, с.137]. Для передачи медицинской информации используются все доступные в современном обществе каналы: научная и научно-популярная литература, массовые периодические издания, средства массовой информации, Internet, которые воспринимаются и перерабатываются с различной степенью их рационального анализа, что открывает широкие возможности для манипулирования, как индивидуальным, так и массовым сознанием.

Характерной особенностью информатизации в современном обществе является огромный объем предоставляемой потребителю информации, в которой он с трудом ориентируется и не может полностью переработать. Массовый потребитель-«пациент» медицинской информации имеет значительно меньше шансов дезориентироваться в ее потоке, чем потребитель информации другого рода. Это связано с тем, что информация «фильтруется» в соответствии с индивидуальными медицинскими проблемами. В то же время массовый потребитель-«здоровый человек», желающий улучшить свое здоровье, оказывается в безбрежном потоке информации различного качества, среди которой оказывается большая доля ненаучной информации. В этом случае возникает большая вероятность дезинформации.

Медицинская информация формирует как на уровне общественного, так и индивидуального сознания определенную «картину медицины и здравоохранения». Определенная организация медико-информационных потоков формирует общественные и личные эталоны здоровья, образы врачей и других медицинских работников, представления о современной качественной медицинской помощи, медицинском учреждении того или иного профиля, правах пациентов. Специфическая особенность процесса медицинской информатизации человека и общества в том, что информация в той или иной степени проверяется каждым человеком на ее соответствие реальности, как с помощью личного опыта взаимодействия с медицинскими работниками и учреждениями здравоохранения, так и опыта людей, составляющих ближайшее социальное окружение личности. Каждый человек в определенный момент своей жизни сталкивается с проблемами здоровья, испытывает потребность в медицинской помощи, которая может быть удовлетворена не только путем обращения к профессиональным медицинским работникам, но и к различным целителям, экстрасенсам, знахарям, при помощи самолечения. Выбор приемлемого пути определяется уровнем личной медицинской информированности человека и умением ее использовать. Реципиент информации – это всегда конкретная личность во всей полноте своих психологических, социальных, культурных особенностей. В.М. Розин отмечает, что «в культуре действуют не одинокие робинзоны, а именно культурные персонажи, т.е. индивиды, предопределенные культурой... Именно они, относясь к другим представителям культуры, вступая с ними в диалог, создают культурные нормы и ценности, а также социальные институты»[1, с. 179].

Индивидуальная «картина медицины и здравоохранения» определяет степень доверия личности к тем или иным формам медицинской помощи, медицинским работникам и учреждениям, и, как следствие, своевременность обращения за медицинской помощью, от которой часто зависит не только состояние здоровья, но и жизнь человека. В этом проявляется уровень медицинской культуры личности и социума. Таким образом, медико-информационные процессы, происходящие в современном обществе, формируют новую медицинскую культуру.

Литература

1. *Розин В.М.* Теория культуры. М., 2005.
2. *Миронов В.В.* Философия и метаморфозы культуры: Моногр. М., 2005.
3. *Селиванов Н.Л.* Новая мотивация знания: знать, чтобы быть / Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Всероссийского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.): В 5 т. М., 2005. Т. 3.

14 июня 2007 г.

Е.Б. Ивушкина

ОТНОШЕНИЯ НАУКИ И МИФА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Отношения мифа с наукой в XX и уже в XXI в. строятся в направлении либо их «согласования» и «гармонизации», либо, наоборот, в направлении резкого противопоставления и отчуждения друг от друга. В XX и нынешнем веке спор мифа и науки выступает главным образом как спор религии и науки.

Наука – это рационально организованное знание, источником которого является не богооткровение, а показания органов чувств, телесность которых напрямую связана с телесностью самого мира. Но вот

способна ли наука из простой суммы знаний превращаться в доминирующий элемент культуры – это зависит от наличия благоприятных (или неблагоприятных) социально-исторических условий.

Важно, в какой картине мира люди живут фактически. А эта картина мира определена наукой и овладевает людьми через школу, прессу, радио, кино и вообще через технику.

Отношения мифа с наукой в XX в. и уже в XXI в. строятся в направлении либо их «согласования» и «гармонизации», либо, наоборот, в направлении резкого противопоставления и отчуждения друг от друга. В XX и нынешнем веке спор мифа и науки выступает главным образом как спор религии и науки.

Само богообщение – утверждаемое в любой религии – есть мифическая ситуация. Миф предполагает некоторое трансцендирование: выход человека из себя в область Божественного. Наука как автономная область человеческого духа также предполагает трансцендирование, которое прямо противоположно трансцендированию в религиозном мифе. Наука – не просто знание о вненаходимой реальности, существующей вне и независимо от нашего сознания. Наука – это рационально организованное знание, источником которого является не богооткровение, а показания органов чувств, телесность которых напрямую связана с телесностью самого мира. Но вот способна ли наука из простой суммы знаний превращаться в доминирующий элемент культуры – это зависит от наличия благоприятных (или неблагоприятных) социально-исторических условий.

Источник живучести всякой мифологии – опора на врожденные механизмы предсознания, действие которых «не отменяется» современной культурой, которые всегда готовы актуализироваться, которые не могут быть устранены, а могут быть лишь подвергнуты осмыслению и критике со стороны Разума. В отличие от архетипов «коллективного бессознательного», наука – очень молодое новообразование человеческого духа, а механизмы, которые приобретаются путем опыта и упражнения, разрушаются и деформируются гораздо легче, чем наследуемые.

Солидарность с конфессиональной группой может быть присуща не только простым людям, но и ученым. Показательным примером в этом отношении может служить позиция одного из крупнейших физиков XX в. Макса Планка, который в докладе «Религия и естествознание» (май, 1937) утверждал, что именно наивная, ни в чем непоколебимая вера, которую религия дарит своим приверженцам, дает наиболее мощные стимулы к творчеству. Естествознание, – писал М. Планк, – нужно человеку для познания, религия – для того, чтобы действовать. «Божество, к которому религиозный человек пытается приблизиться при помощи религиозных символов, равноценно, по существу, той проявляющейся в законах природы силе, о которой исследователь в определенной мере получает представление с помощью своих органов чувств» [1, с.35].

Этот пример показывает, что стремление отдать себя под защиту Высшего Авторитета может быть присуще и высокообразованным людям. Очевидно, такая тяга к тому, чтобы иметь в Ком-то (в вожде, харизматическом лидере, Высшем Существо) заступника, связана с личностными характеристиками человека: то ли с личным неумением в одиночку противостоять жизненным невзгодам и социальным неурядицам и потрясениям, то ли с неумением критично отнестись к внушенному с детства мировосприятию.

Следует подчеркнуть, что прошли те времена, когда Церковь преследовала ученых за непочтение к узаконенным толкованиям Библии и, по существу, ставила ученого на одну доску с христианином-еретиком. Как мы помним, в XIX в. материалистическую науку Церковь трактовала как «чудовищное воплощение разрушительных сил по отношению к религии» [2]. Неприятием науки длительный период отличалась позиция Русской Православной Церкви (РПЦ). Еще в 1959 г. в «Журнале московской патриархии» можно было прочитать: «Чем глубже проникает разум человека с помощью научных методов в окружающий мир явлений природы, тем яснее становится бессилие науки в толковании сущности явлений и процессов, которые происходят в окружающем мире» [3, с. 37].

Однако со второй половины XX в. Христианская Церковь пытается дистанцироваться от вчерашнего обскурантизма и отсталости. Религиозные идеологи вынуждены признать, что наука стала своеобразным эпицентром современной культуры Запада, что благодаря развитию средств массовой коммуникации и информации научные знания оказывают огромное воздействие на мировоззрение широких масс населения. Христианская Церковь вынуждена считаться с тем обстоятельством, что система «наука – техника – производство» резко увеличила познавательный и производственный потенциал человека и общества. Многие ценности и блага, которых человек когда-то ожидал от высших сил, ныне он приобретает своей собственной инициативой и своими силами. В этой ситуации напрашивается вопрос: почему человек, создающий все материальные и духовные блага, должен признать, что всем этим он обязан не себе самому, а богу?

Эти настроения наиболее отчетливо выразил ведущий представитель диалектической теологии Рудольф Бультман. Как указывает протестантский теолог, нельзя пользоваться электрическим светом и радио, прибегать в случае болезни к современным лекарственным и клиническим средствам и в то же время верить в новозаветный мир духов и чудес. Тот, кто полагает это возможным для себя лично, должен уяснить: объявляя это позицией христианской веры, он делает христианское провозвестие в современном мире непонятным и невозможным. Важно не то, какие причуды и спекуляции будоражат неустойчивые умы и не то, насколько широко распространены идеологически оформленные антинаучные теории. Важно, в какой картине мира люди живут фактически. А это картина мира определена наукой и овладевает людьми через школу, прессу, радио, кино и вообще через технику.

Во второй половине XX в. явный поворот в оценке достижений науки отличает католическую Церковь. В полной мере он проявился на II Ватиканском соборе (1962-1965). Папа Павел VI мог позволить себе следующее заявление: «Если под словами «автономность земных ценностей» мы подразумеваем, что все тварное, а в том числе и общество, имеет свои законы и свои ценности, который человек должен применять, познавать и направлять, то требовать такой автономности совершенно законно: это не только требуется людьми нашего века, но и соответствует воле творца». На консервативных позициях продолжает оставаться лишь русская православная церковь (РПЦ).

Вместе с тем кризисное состояние сознания в эпоху научно-технических переворотов позволяет высветить негативные стороны своекорыстно направленного и своекорыстно организованного научно-технического прогресса. Эта «разоблачительная» сторона с особой силой представлена в экзистенциальной философии Ортеги-и-Гассета. Человек, который создает научную картину мира, одновременно «растерян и очарован». Растерян в силу безопорности своего бытия, очарован открывающимися возможностями пересоздания мира по своему разумению и волею. Начало «человека Нового времени» – XX в., эпоха Возрождения, когда, – пишет Ортега-и-Гассет, – «человек разуверился в церкви, оторвался от Бога и остался наедине с вещами. Но он верит в себя, он весь в предчувствии, что внутри себя отыщет новое оружие победы над внешним миром, новый разум, новую науку...» [4, с. 29].

Но сциентистские иллюзии и упования на науку, которая должна обеспечить счастье всем людям, не оправдались. Крах сциентистских иллюзий – характерная черта второй половины XX в. Научно-технический прогресс, подчиненный целям безудержной погони за прибылью, обернулся своей негативной стороной. Соответственно научно-технический прогресс стал оцениваться как сила, противостоящая и враждебная человеку, чуждая ему и от него не зависящая, разрушающая в человеке все человеческое. В условиях общесоциального исторического кризиса на науку стала возлагаться ответственность за то, что она привела к торжеству духа позитивизма, который рассматривает все человеческое в терминах обособления и расчета, технического использования, вызывает отчуждение человека от природы и утрату в нем всего подлинно человеческого.

Именно на такой исторической основе стала возможна реанимация религии как альтернативы односторонности сциентизма и антисциентизма. Вера в то, что сами по себе наука и техника ведут к миру, свободе и гуманности, утратила кредит доверия. Рост недоверия к научно-техническому прогрессу породил убеждение, что наука не способна дать человеку подлинно духовные ценности и толкает его на путь ложных поисков. В этих условиях обращение к Богу изображается как единственное и универсальное средство решения всех проблем. Вновь утверждение христианских ценностей строится на принижении познавательных возможностей науки и извращении ее социальной роли.

В категорической форме утверждается, что наука неспособна быть источником нравственности. Соответственно в современном мире разрастается сеть религиозных институтов, замешанных на христианской идеологии и отрицающих за наукой способность решать фундаментальные проблемы человеческого бытия. Теологи разных конфессий утверждают, что человеческое в этом мире не может уже исходить от самого человека. Оно должно быть признано божественным чудом, оно возможно только в том случае, если над человеком есть Бог, к которому ведут совсем не те пути, по каким идет в поисках истины человек, ориентирующийся на науку.

Речь идет о том, чтобы развести пути науки и религии, для того чтобы доказать их взаимодополнительность и незаменимость как той, так и другой ипостасей человеческого духа. Ведется скрупулезный счет отрицательным последствиям научно-технического прогресса, чтобы предъявить его в качестве обвинения человеку, возмнившему себя творцом. В соответствии с теологической концептуализацией выдвигается требование, чтобы человек видел во всех вещах некие символы, указания на духовную и экзистенциальную действительность – всем руководящий Дух, без которого действительность понятия быть не может. Если человек руководствуется объективирующей парадигмой естествознания, он становится слеп в отношении подлинной человечности, неспособным к пониманию символического вообще и прежде всего – смысла и безусловной необходимости религии.

В условиях всеобщего кризиса будущее покрылось мраком. Поэтому настоящее растеряно и обезкуражено, многие люди страдают болезнью потери цели существования. Неудовлетворительность сциентистской парадигмы для разрешения экзистенциальных противоречий современного человека позволила Л.А. Марковой сделать такой экстравагантный вывод: «Религия может лежать в основе мировосприятия ученого в периоды спокойного (?) развития науки, обеспечивая ему уверенность в упорядоченности мира природы, в возможности ее познания». Именно религия «позволяет ученому верить в незыблемость начал» [5, с.6].

Очень отчетливо та же мысль прозвучала у президента РАН Ю.М. Осипова. Предостерегая от иллюзий сциентизма, Ю.М. Осипов заявляет, что нужно «... видеть не только великую значимость науки в познании и переделывании мира, но и великую ограниченность науки, ее исходную самоущербность», нужно «не забывать, что наука без философии и религии ... вообще пуста» [6, с. 233].

Сразу же отметим, что христианские теологи самых различных конфессий стремятся подвести теоретическое (скорее, идеологическое) основание под концепцию «взаимосогласования» науки и религии. Один из главных аргументов в пользу «согласованности» науки и религии был сформулирован еще в эпоху Возрождения. Союз науки и религии рассматривался как закономерное следствие галилеевского тезиса о «двух божественных книгах» – Библии, написанной языком откровений, и Природы, написанной языком математики.

Одна из причин совмещения науки XX в. с современным мифотворчеством в культуре связана с тем, что с развитием индустриально-городской культуры и техногенных цивилизаций, с «широким распространением научных знаний, научной картины мира комплекс «народных знаний» не исчезает полностью, а трансформируется, приспосабливаясь к новым условиям» [7, с. 51]. Рядом с наукой постоянно кристаллизуется пласт околonaучных, псевдонаучных знаний и верований, фобий и надежд. Для такого «фольклорного» сознания характерны бессмысленные, расплывчатые и многословные языковые выражения. Особенно хорошо это заметно на учащающихся попытках псевдонаучными аргументами доказать бытие Бога. Таково, к примеру, мифотворчество директора Научного центра физического вакуума при Международном институте теоретической и прикладной физики Российской академии естественных наук Геннадия Шипова. Подменяя физическую интерпретацию вакуума фольклорными представлениями, наш физик утверждает, что материю действительно рождает пустота и действительно с помощью Слова: точнее – информации.

Мифогенная ситуация разворачивается вокруг псевдооткрытия так называемых «торсионных», «спинарных», «микрорептонных» полей таким деятелем от науки, как А.Е. Акимов. Но вот академик В. Гинзбург утверждает: «Никто эти поля так и не смог обнаружить» [7, с. 31]. Современному мифотворчеству присуще стремление либо сгладить несоответствие креационистских выводов данным и положениям науки, подделаться под них, либо полностью разорвать с наукой.

На примере А.Е. Акимова мы видим, как адепты паранауки используют несостоятельную методику исследования и несостоятельную методику эксперимента. Для паранауки вообще характерна апелляция к практически невозпроизводимым экспериментам. Пример же Г. Шипова свидетельствует, что, поддавшись экспансии иррационализма, ученый допускает неточности фактические и логические. И в случае паранауки и в случае лженауки теоретические построения, претендующие на мировоззренческую новизну, не выдерживают соприкосновения с системой опыта, не стыкуются с действительностью, паразитируют на реальных достижениях науки.

Однако увлечение псевдонаучным мифотворчеством отнюдь небезобидно. Как подчеркнул председатель комиссии при Президиуме РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований, академик Э.П. Кругляков, лженаука становится опасной как для науки, так и для общества. А вот приложение «Известия: наука» (25.01.02) параллельно публикует интервью П. Гайдено «Наука и религия должны избегать друг друга» и статью А.Силина «Наука должна признать религию». Вот так – в ультимативной форме предьявляется директива всему научному сообществу! Тем самым науке предписывается идеологическая ангажированность, мифологизация ее достижений и выводов.

О методологии серьезного научного исследования очень хорошо сказали академики Е.Б. Александров и В.Л. Гинзбург: «Тут надо сказать без обиняков: в точных науках неограниченной свободы мнений нет, потому что законы природы объективны и не зависят от вкусов служителей науки. Мнения могут существовать только на стадии обсуждения гипотезы. Подтвержденная гипотеза становится истиной и существенного различия мнений не допускает» [9, с. 20].

Почему же тогда представители точных наук, не говоря уже о гуманитариях, уступают натиску ненаучных и антинаучных представлений? Развернутый ответ на этот вопрос предлагает И.М. Крылов в статье «Почему и как следует бороться с лженаукой» [10]. Автор отмечает, что именно те ученые, которые не освоили основных принципов научной методологии, выступают в качестве идейных вдохновителей всевозможных лженаук. Для ученых, не твердых в решении мировоззренческих во-

просов, недоступной оказывается та грань, которая отделяет науку от лженауки. Такие ученые видят лишь слабость научного аппарата, его недостаточность для решения встающих перед ними задач, неспособность средств, разработанных для решения задач вчерашнего дня, дать адекватное объяснение вновь открывающимся фактам. И.М. Крылов считает, что питательной почвой для продуцирования различных лженаучных концепций является слабость философской науки, философской формы познания мира. Недоверие к принципам научного материализма, его развенчание как философского учения создало такую ситуацию, когда решением философских проблем заняты все кто угодно, кроме самих философов. Автор статьи выражает сожаление, что к советам вдумчивых и серьезных философов на деле не прислушивается почти никто. Между тем для каждого объекта научного и в том числе философского познания существуют свои инструменты, методы и язык. Поскольку глубокие философские вопросы остаются без вразумительного и доступного всем ответа, возникает антагонизм между малообразованными инициативниками и профессионалами от науки. Непрофессионалы стремятся ответить на всеобщие вопросы в нарушение логики и общепринятых объяснительных процедур. В свете неприемлемости авторитарных методов в деле освоения Большой науки должна быть осмыслена назойливость авторов различных теорий «всего и вся».

Литература

1. *Планк Макс*. Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. № 8.
2. См.: Протоиерей Иоанн Петропавловский. В защиту христианской веры против неверия. М., 1897.
3. Журнал московской патриархии. 1959. № 6.
4. *Ортега-и-Гассет Х*. Человек в XV веке // Человек. 1992. №3.
5. *Маркова Л.А.* Наука и религия. Проблемы границы. СПб., 2000.
6. *Осипов Ю.М.* Экономическая цивилизация: триумф и эсхатологический кризис // Очерки философии хозяйства. М., 2000.
7. *Найдыш В.М.* Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопросы философии. 1994. № 2.
8. См.: *Кругляков Э.* Почему опасна антинаука? // Здравый смысл. 2001/2002. № 1 (22); Он же. «Ученые» с большой дороги. М., 2001; *Александров Е.Б., Гинзбург В.Л.* О лженауке и ее пропагандистах // Вестник РАН. 1999. № 3; *Гинзбург В.* Религия и наука, разум и вера // Наука и жизнь. 2000. № 7; *Шевелев Г.* Физики из Шейпинг-центра // Здравый смысл. 2001. № 20; *Капица С.* Наука в общественном сознании и антинаука // Здравый смысл. 2001. № 21; *Абелев Г.* Об истоках псевдонауки // Здравый смысл. 2001/2002. № 22; *Файнберг Е.* В защиту науки // Здравый смысл. 2002. № 23.
9. *Александров Е.Б., Гинзбург В.Л.* О лженауке и ее пропагандистах // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 3.
10. file: ///A\atin.htm.

11 июня 2007 г.

Е.А. Какоян

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В связи с информатизацией общества происходят трансформационные процессы в языковой коммуникации. Интенсивная демократизация общества привела и к демократизации языковой коммуникации, потоки сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов. Многие говорящие воспринимают демократизацию и свободу слова как вседозволенность, что обуславливает некоторые отрицательные черты языковой коммуникации СМИ, негативно влияющие на литературную языковую коммуникацию.

Существенные изменения затрагивают бытовую коммуникацию, которая стала диалогичнее, эмоциональнее, экспрессивнее и оценочнее, стала допускать более широкое использование единиц сниженных стилистических разрядов. Желательно, чтобы трансформационный процесс, как демократизация языковой коммуникации – контролировался людьми и направлялся в наиболее благоприятную (и для языковой коммуникации, и для говорящих на ней людей) сторону.

В связи с информатизацией общества происходят трансформационные процессы в языковой коммуникации. Интенсивная демократизация общества привела и к демократизации языковой коммуни-

кации, потоки сниженной, жаргонной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: художественных текстов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений, политических дебатов [1]. Многие говорящие воспринимают демократизацию и свободу слова как вседозволенность, что обуславливает некоторые отрицательные черты языковой коммуникации СМИ, негативно влияющие на литературную языковую коммуникацию.

Основные изменения в языковой коммуникации также связаны с появлением и быстрым развитием рекламной и коммерческой индустрии. Исчезновение тоталитарного и авторитарного режима привело к радикальным изменениям в публицистической и политической коммуникации. Существенные изменения затрагивают бытовую коммуникацию, которая стала диалогичнее, эмоциональнее, экспрессивнее и оценочнее, стала допускать более широкое использование единиц сниженных стилистических разрядов.

Особенностью речевого общения является диалогизированность: на передний план выступают различные формы диалога (спор, дискуссия, полемика, теледебаты, интервью). Диалог телеведущего и его гостя в студии, как правило, предполагает наличие другого, третьего участника – аудитории зрителей, что может выражаться в известной формуле: «Спасибо всем, кто был сегодня вместе с нами». Подчас политические оппоненты, споря друг с другом, спорят прежде всего для аудитории, завоевывая потенциальных избирателей [2].

Диалогизированность общения проявляется и в монологической речи. Для того чтобы быть эффективным, монолог (лекция, доклад, выступление на митинге и т.д.) должен включать в себя средства диалогизации: обращения, вопросы или вопросно-ответные ходы, частицы, вводные слова и выражения, которые позволяют устанавливать контакт с аудиторией, вызывать и поддерживать ее внимание и интерес к речи. Ораторы нередко манипулируют общественным сознанием, употребляя обороты «как известно», «совершенно очевидно», «как мы все знаем», «нет сомнения», чтобы подчеркнуть свою уверенность в согласии слушателя, выражая похвалу адресату (как думающий, интеллигентный, современный человек, вы не можете не согласиться...), представляя субъективное мнение в форме категорического суждения. В арсенале ораторов – разнообразные приемы «скольжения», «размывания», «затемнения» смысла высказывания. Например, часто используются эвфемизмы (или политкорректность), т.е. более мягкие выражения («лагерь для перемещения лиц» вместо «концентрационный лагерь», «люди с низким достатком», «бюджетники» или «социально незащищенное население» вместо «бедняки»), слова с отрицательной оценочностью («шпион» вместо «разведчик»), выражения с расплывчатым значением («потребительская корзина»), синекдоха (когда часть используется в значении целого или целое в значении части: «Белый дом», «Кремль» как обозначение парламента или президентской администрации) [2].

Установка на борьбу (агональность) участников речевого общения очевидна. Приведем только небольшой перечень некорректных приемов: возбуждение гнева оппонента, приклеивание ярлыков, игра в авторитеты, огульное обвинение («это бред сивой кобылы»), высокомерный ответ («это знает любой школьник»), игра на самолюбии, психологическое давление, ложные аргументы, аксиоматические высказывания, якобы не требующие аргументации («Россия – самая читающая страна в мире»). Агональность также проявляется в криминализации языковой коммуникации, в использовании лексики преступного мира, а также в его «военизации» («перейти в наступление», «передний край борьбы») [2].

Изучение коммуникативных процессов публичной и массовой культуры состоит в обязательности исторического подхода к исследуемым явлениям «живой материи» языковой коммуникации. Она, как часть массового сознания, находится в постоянном движении, непрестанно, непрерывно обновляется в средствах выражения мыслей и эмоций, в передаче информации в результате ее функционирования в обществе, взаимодействия буквально во всех областях деятельности – общественной, хозяйственной, духовной, информационной. Эта стремительная динамика языковой коммуникации обуславливает необходимость принятия мер по поддержке языковых коммуникационных норм [3].

Проанализировав новые явления в современном языке, автор считает, что литературная языковая коммуникация из перечисленных и аналогичных ситуаций выходит обновленной. Отбросив ненужное, наносное, социально-ограниченное, диалектное, она все же совершенствуется, прежде всего, в синонимическом отношении, вырастает словарь, усложняется лексическая и грамматическая семантика. Осознание языковой коммуникации имеет различные уровни, глубину проникновения в объект и степень ясности понимания. Основное внимание уделено использованию средств публичной и массовой коммуникации, особенно электронным, создающим «благодатную» среду для неуважительного отношения к родной языковой коммуникации.

Желательно, чтобы трансформационный процесс, как демократизация языковой коммуникации – контролировались людьми и направлялись в наиболее благоприятную (и для языковой коммуникации и для говорящих на ней людей) сторону. Барьер в общении людей – это общечеловеческий фактор, существующий не только в общении политических партий, но в любом обществе, коллективе и семье; языковая коммуникация – это не только важнейшее средство общения между людьми, но и средство познания и теоретического преобразования действительности, которое позволяет людям накапливать знания, передавая их другим людям и другим поколениям.

Для того чтобы языковая коммуникация для человека стала надежным и гибким инструментом, необходимо знать устройство и правила ее функционирования. Система языковой коммуникации, как и правила ее использования, весьма сложны, но это есть выражение сложности мира, в котором мы живем. Следовательно, упрощать, огрублять, деформировать языковую коммуникацию, на которой мы говорим и пишем, – значит примитивизировать представление о мире, что может иметь самые пагубные последствия для самого человека, для общества, для существования будущих поколений. При решении оперативных задач повышения культуры языковой коммуникации необходимо стимулировать работу специалистов по культуре речи, лингвистов по развертыванию языковой критики – направления, целью которого стал бы анализ текущей языковой коммуникационной жизни общества, условий языкового коммуникационного взаимодействия личности и социума.

Литература

1. Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001; Черняк В.Д. Русский язык и культура речи. М., 2003.
2. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2005.

26 мая 2007 г.

В.В. Котлярова

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В современном обществе духовный потенциал личности становится вектором социального развития, одним из условий которого выступает вопрос об общечеловеческих ценностях как экзистенциальных. Понятием, эксплицирующим развитие культуры, является ценность. Именно она представляет собой основополагающий принцип, объясняющий социальное бытие человека в его экзистенциальном проявлении. Общечеловеческие ценности не являются чистой идеализацией, их невозможно просто выдумать или навязать обществу, они создаются и осознаются людьми, чтобы их жизнь имела цель и приобрела смысл в повседневной жизни, и, таким образом, общечеловеческие ценности имеют экзистенциальную наполненность.

В современном обществе духовный потенциал личности становится вектором социального развития, одним из условий которого выступает вопрос об общечеловеческих ценностях как экзистенциальных – основополагающих ориентиров развития постсоветского общества, способствующих формированию человеческого потенциала.

Понятием, эксплицирующим развитие культуры, является ценность. Именно она представляет собой основополагающий принцип, объясняющий социальное бытие человека в его экзистенциальном проявлении. Сложившаяся в постсоветской России ситуация свидетельствует, что наряду с экономическими, политическими, национальными и прочими проблемами наиболее животрепещущей стала проблема ценностей, значимость которой востребована самой жизнью, так как ценности регулируют отношения людей, одновременно объединяют одних и разъединяют других, являясь своеобразным «зеркальным» отражением существующих социокультурных процессов. Человеком всегда и везде предпринимались попытки осмыслить и оценить окружающую действительность, понять самого себя и других людей, осознать и объяснить загадочное и неведомое, и именно таким образом проявлялось ценностное отношение человека к миру, благодаря которому можно утверждать, что «исторический процесс аксиогенеза был одним из аспектов процесса субъектогенеза» [1, с. 90]. Отношение человека к условиям своего социального бытия производится с учетом того, насколько ценностная иерархия, наполненность аксиосферы, соответствует истинному человеческому бытию, в каком направлении движется человек, на какую ценностную систему он опирается в своей жизни. Следует отметить, что проблема изучения ценностного мира людей, принадлежащих к определенной культуре, всегда являлась и является эпицентром философских споров и дискуссий, начиная с древности. Вся история че-

ловеческой культуры пронизана поиском ответов на извечные вопросы, составляющие смысловое ядро всех наиболее значительных философских учений: в чем состоит смысл и цель жизни человека, какие ценности существуют у человека, в чем они проявляются, как они возникают и исчезают, что представляет собой ценность вообще, существуют ли «вечные» ценности и есть ли необходимость в этом понятии. Спустя столетия философы пришли к выводу, что все эти категории вопросов тесно связаны между собой, и нашли для них как бы единый общий знаменатель – понятие «ценность», которое стало одним из наиболее употребляемых в сфере гуманитарного знания.

Процессы, происходящие в современной российской культуре, представляют собой попытки создать «элементы и структуры нового мировидения» и современная ситуация осложняется тем, что очередное реформирование в России совпало со сменой «типов цивилизационного развития», поэтому чрезвычайно актуальным является предпринимаемый во всех областях гуманитарного познания поиск основополагающих ценностей – ориентиров дальнейшего развития общества, того стержня, на котором базируется весь внутренний мир человека и с которым связана устойчивость и стабильность общества в целом [2]. С конца 80 – начала 90-х гг. в нашей стране при активном участии властных структур и под руководством бывшей партийной элиты стал планомерно осуществляться процесс замещения одной ценностной доминанты другой. В качестве основы такого замещения выступил тезис об общечеловеческих ценностях, сопровождавшийся декларациями о якобы нравственном и духовном возрождении общества и утверждении подлинно гуманистических и демократических ценностей. Такая ценностная трансформация порождает множество культурологических проблем, из которых необходимо выделить следующее: что же это такое общечеловеческие ценности и как они соотносятся с культурными традициями, идеалами, ценностями многонационального российского общества?

При попытке однозначно определить понятие «общечеловеческие ценности» явно выявляется противоречивый характер этой дефиниции. Общечеловеческие ценности уже в самом своем названии содержат смысловое противоречие: с одной стороны, общечеловеческие – это понятия, представления и законы, имеющие всеобщий и абсолютный характер, с другой, ценности – культурообусловленный феномен, культуру можно представить как совокупность конкретных, разделяемых большинством ее представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии. Массовое внедрение общечеловеческих ценностей предполагает насаждение одной, одинаковой, общей культуры для всего человечества, несомненно, что во многих культурах имеется что-то общее, но ценности разных культур несопоставимы и несоизмеримы, и среди всего многообразия разных культур не может существовать никаких эталонов или универсальных образцов, задаваемых одной из сторон. Речь идет о ценностях, которые свойственны всему человечеству, всем людям, к какому бы народу или культуре мира они ни относились, в какую бы эпоху мировой истории ни жили. Общечеловеческие ценности выражаются понятиями, которые имеют максимальный объем, согласно закону логики, содержание этих понятий будет максимально скудным. Это будут обычные, почти ничего не значащие абстракции добра, справедливости, мира, процветания и т. д. Обращение к ним ничего не дает для их оценки, потому что каждый народ, каждая культура и каждая эпоха наполняют их своим специфическим содержанием, но именно это специфическое содержание мы и исключаем из рассмотрения, когда обобщаем и переходим от ценностей данного народа, культуры или эпохи к общечеловеческим ценностям.

Общечеловеческие ценности невозможно представить как простую совокупность того сходного, что содержится в вопросах аксиологической проблематики в различных философских, культурологических и этических учениях. Аналогично невозможно подразумевать под общечеловеческими ценностями ценности большей части человеческого сообщества, при таком чисто арифметическом подходе явно не учитываются ценностные приоритеты разных общественных субъектов, не говоря уже о том, что общество – сложная, целостная система, имеющая внутренние особенности собственной структурной организации и функционирования, а не просто сумма отдельных индивидов и небольших локальных сообществ. Понятие «общечеловеческие ценности» несет в себе огромную субъективную составляющую, это хорошо показал Ю.А. Шрейдер: «Попытка объяснить, что ... я понимаю под общечеловеческими ценностями, оказалась бы волей-неволей экспликацией их в рамках той конкретной культуры, в которой я живу и ... выражающей эти ценности» [3, с. 11].

Общечеловеческие ценности (довольно часто воспринимаемые обыденным сознанием как сумма определенных правил и норм) не имеют «иммунитета» против интерпретационного произвола и их можно воспринимать как производные различных систем ценностей. В недалеком прошлом, советское общество (большая часть которого ныне стала российским) было ориентировано на приоритет духовных начал над материальными, отчетливо прослеживалось неприятие идеи накопительства и

меркантильности, верховной ценностью считались коллективизм, самопожертвование во имя светлого будущего. В период господства социалистической идеологии ряд исследователей (С.И. Попов, А.Д. Матвиенко и др.) считали, что вопрос об общечеловеческих ценностях и их внедрении в общественное сознание будет оправдан только в том случае, когда «мы признаем существование реального социализма и ...согласны в понимании его сущности» [4, с. 33]. В российском общественном сознании еще в начале перестроечного периода существовало мнение, что возможные перемены в общественной жизни приведут к тому, что идея и принципы коммунизма будут обогащаться и конкретизироваться». И «развитой социализм» представлялся «как накопленная поколениями сумма высших духовно-нравственных ценностей человеческого общежития» и ассоциировался именно с возможностью реализации в отдельно взятой стране всей суммы общечеловеческих ценностей [4]. Таким образом, общечеловеческие ценности в разных исторических ситуациях отражают мировоззренческие универсалии того или иного типа общества и вследствие этого ценности, характеризующие одну историческую эпоху или социально-экономический уклад, могут в другой конкретно-исторической ситуации становиться невостребованными.

С начала 90-х гг. под именем общечеловеческих ценностей стала усиленно пропагандироваться «великая американская мечта». Естественно, что в обществе с неблагоприятной экономикой высокий приоритет будет иметь материальное благополучие, обеспеченный образ жизни, имеющий прямую ассоциацию в российском общественном сознании с Западом. Такое манипулирование экономическими достижениями развитых стран и практически систематическое насильственное внедрение и насаждение чуждых российскому обществу ценностей через СМИ, общественные и религиозные организации, систему образования принесло свои негативные плоды – к середине 90-х гг. происходит разделение россиян практически на две равные части по отношению к западному образу жизни и ассоциация в обыденном сознании общечеловеческих ценностей с западными культурными нормами.

Таким образом, происходящая в течение ряда лет планомерная переориентация российского общества от социалистических и коммунистических (в которых многие россияне не без основания разочаровались) на общечеловеческие ценности приводит к ситуации последовательного отвержения и традиционных духовно-нравственных ориентиров, и отторжению многократно упоминаемых в научной литературе, публицистике и СМИ «общечеловеческих» ценностей.

Впоследствии в общественное сознание стала внедряться идея, что общечеловеческое содержание имеют религиозные ценности. Это представление порождает ряд неразрешимых проблем: во-первых, религия объединяет, сближает представителей одной конфессии одновременно и отталкивает от всех других, так как несовместимы различные представления, лежащие в основе того, либо иного религиозного учения. Во-вторых, стоит вопрос о том, примет ли ценности православия нехристианская часть российского общества и возможна ли в начале третьего тысячелетия, после активной, почти 70-летней атеизации населения переориентация россиян на религиозные ценности? В-третьих, история РПЦ, претендующей на роль носителя национальной духовности, свидетельствует, что несмотря на свою 1000-летнюю историю она не смогла противостоять активному разрушению национальной культуры в 20-х гг. XX в. и рождению в Советской России социальной технологии управления массами. В-четвертых, в современной России существуют особенности развития религиозности населения, проявляющиеся в одновременном существовании в религиозном сознании взаимоисключающих тенденций: синкретическое сочетание веры и безверие, объединение разных конфессиональных доктрин, ситуативность религиозности, «маятниковая реакция», широкое распространение нетрадиционных верований. Уровень образования населения очень высок, в противоположность этому, всеобщее религиозное образование в нашей стране не существует с 1918 г., поэтому вряд ли в современной России религиозные ценности смогут стать каркасом общества и важнейшим фактором его объединения, поскольку «религиозное Возрождение в нашу эпоху невозможно ни в России, ни в любой другой стране, уже выросшей из пеленок феодализма» [1, с. 139].

Таким образом, по-прежнему остается открытым и неразрешенным вопрос о том, какие именно ценности играют решающую роль в объединении любого общества, определяют качественное состояние социокультурных связей в обществе, придавая ему устойчивость. Естественно, что в такой противоречивой ситуации фиксируется «потеря основополагающих ориентиров нашего общества. Никто толком не знает, что за общество мы строим, какую цель преследуем...» [5].

В особые исторические эпохи, именно экзистенциальные ценности выступают основой общественного консенсуса, базисом культурной идентификации личности и общества, ядром осознания человеком своего реального места в мире, основой исторической памяти народа, необходимым компонентом поддержания стабильности общества, началом взаимопонимания и взаимодействия людей. Экзистенциальные ценности, выступая фактором интеграции и самоидентификации отдельных

общественных субъектов, являются своеобразным критерием жизнеспособности и устойчивости общества как системы при фиксации в нем «определенной аксиологической гомогенности» [6].

Общечеловеческие ценности не являются чистой идеализацией, их невозможно просто выдумать или навязать обществу, они создаются и осознаются людьми, чтобы их жизнь имела цель и приобрела смысл в повседневной жизни; и таким образом, общечеловеческие ценности имеют экзистенциальную наполненность. Экзистенциальные ценности находят свое выражение в формировании смысловых позиций индивидуальным или совокупным субъектами, своеобразие этих ценностей заключено не только в их содержании, но и в механизме их возникновения, так как они не даются личности от рождения, а являются итогом, результатом взаимодействия различных видов ценностей. Экзистенциальные ценности имеют свои специфические особенности: это интроспективно-диалогические и интегративные ценности, они расположены на другом уровне аксиосферы, нежели правовые, политические, нравственные и религиозные, им присуща интравертная ориентация. Для экзистенциальных ценностей характерна высокая динамичность, метаморфозность и трансформация, наряду с традиционным, им присущ и инновационный характер.

Экзистенциальные ценности выступают в качестве системообразующего фактора культуры, как своеобразный «код нации», проявление особой национальной идеи, цементирующее начало нации, как своеобразное «лекарство» для духовно-нравственного оздоровления страны. Благодаря наличию в аксиосфере культуры экзистенциальных ценностей происходит своего рода «сортировка» колоссального массива других видов ценностей, их трансляция от поколения к поколению и частичное изменение в соответствии с меняющейся социокультурной ситуацией. Очень важная особенность экзистенциальных ценностей как феномена культуры заключается в том, что в сознании одного человека могут совмещаться различные ценностные доминанты, могут присутствовать одновременно ценности и «антиценности». Среди экзистенциальных ценностей, влияющих на поведение людей в конкретных жизненных ситуациях, возможно выделить традиционные, ориентированные на сохранение и воспроизводство давно сложившихся культурных норм. К ним мы считаем возможным отнести ценности семьи, личностного общения, безопасности жизни и ценности современные, которые сформировались в общественном сознании сравнительно недавно, например, ценности толерантности, плюрализма.

Одновременное существование в аксиосфере традиционных и современных видов экзистенциальных ценностей является закономерным, так как новаторство и традиции – две взаимосвязанные стороны развития культуры, характеризующие наличие в ней как устойчивых, так и противоречивых моментов. Традиция является характеристикой стабильности, устойчивости, инерционности в культуре. Благодаря наличию традиционных экзистенциальных ценностей человек усваивает культурный опыт поколений, это способствует взаимопониманию и взаимодействию людей разных культур, отражая целостность и прочность общества как общества, а не простого скопления разрозненных групп людей.

С другой стороны, культура не может существовать не обновляясь, творчество и изменение являются другой важной стороной развития культуры. Живя в современности, трудно ограничиться лишь одними традициями, многое в ценностях приходится переосмысливать и даже кардинально менять, либо создавать заново, или же заимствовать, поэтому сформированные традиционные ценности являются не мертвым бременем, а, напротив, постоянно обновляющимся достоянием культуры. Ценностное отношение человека к действительности, рационализируемое в экзистенциальном аспекте, есть духовное утверждение бытия в отрицании ничто собственного существования. Граница, очерчивающая поле всех возможных смыслов духовной сферы сознания, образована отделенностью человеческого существования от целостного бытия и, поскольку человек существует действующим, постольку эта граница образуется деятельностью, конституирующей человеческое существо вместе с присутствием относительных значений ничто, возникающих и поддерживаемых из разрушительной стороны деятельности.

Основные трудности решения ценностных проблем в том и состоят, что по способам своего бытия ценности имеют самый сложный, многоуровневый характер. Они существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, нормы, цели и идеалы, которые, в свою очередь, через сознание и духовно-эмоциональное состояние людей и социальных общностей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни. Какой бы божественно-вселенский или космический характер по своему происхождению и сущности ценности не имели, судить о них мы можем лишь по их реальному проявлению в нашей жизни, в многообразных отношениях человека к самому себе, к другим людям, обществу и природе.

Таким образом, в современном мире роль экзистенциальных ценностей в качестве системообразующего фактора культуры и их регулятивное значение колоссально возрастает, и характер нынешнего исторического времени показывает, что общечеловеческие ценности имеют именно смысло-жизненное содержание, в них сосредоточен глубоко пережитый опыт человечества, его потенции и стремления.

Литература

1. *Каган М. С.* Философская теория ценностей. СПб., 1997.
2. *Розов Н.С.* Конструктивная аксиология и интеллектуальная культура будущего // Философия образования для XXI века: сборник статей. М., 1992.
3. *Шрейдер Ю.А.* Утопия или устроительство // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
4. *Попов С.И.* К вопросу о специфике социалистических ценностей // Научный коммунизм. 1990. № 4.
5. *Волков Ю.Г.* В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2.
6. *Каган М.С.* Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. №6.

14 июня 2007 г.

О.И. Лантратов

РИЗОМОРФНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Цифровые сети создают информационно-технологическую основу сетевого информационного общества, формируется единое информационное пространство – Internet. Его децентрализованная и антииерархическая структура в полной мере удовлетворяет принципам связи и гетерогенности соединений в ризоме, что позволяет применить такие принципы ризоматических конструкторов как принцип множественности, принцип незначущего разрыва и принцип картографии и декалькомании для анализа современной Сети. Рассмотрение этих основных принципов устройства ризомы демонстрируют их адекватность для философского анализа сети Internet, в результате чего раскрываются философские и онтологические аспекты глобальной сети.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось вхождением в жизнь людей принципиально нового средства массовой коммуникации – глобальной сети Internet, ставшей неотъемлемой составляющей информационного пространства современного общества. Уже сейчас на повестке дня стоит объединение компьютерных, телевизионных и телекоммуникационных информационных технологий вокруг общих стандартов передачи данных и слияние их в единое целое, причем базой этого слияния является именно Internet.

Глобальная сеть не только создает условия для формирования виртуальных общностей, не только стирает границы между государствами и элиминирует расстояния, разъединяющие людей, но и, в конечном счете, выстраивает вокруг себя специфическую форму культуры – «киберкультуру». Действия и мысли людей являются производными от имеющейся у них информации. Информация создает цивилизацию – новая историческая парадигма возникает как следствие новой информационной технологии. Согласно М. Маклюэну и М. Постеру [1, 2], развитие цивилизации шло по линии «слово – письменность – книгопечатание – электронные коммуникации». Письменность информационно обеспечила феодализм. Изобретение печатного станка создало информационную базу капитализма. Цифровые сети создают информационно-технологическую основу сетевого информационного общества.

М. Кастельс в своих рассуждениях делает существенное различие между известными концепциями «информационного общества» (information society) и собственной концепцией «информационного общества» (informational society) [3]. Он рассматривает формирующуюся сегодня социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого «выступает даже не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, «сетевые» структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости» [3, с. 494]. «В условиях информационной эры, – утверждает он, – историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказыва-

ются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью.

Сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества» [3, с. 494].

Ссылаясь на работы целого ряда теоретиков, ученый определяет границы своей информационно-технологической парадигмы, имеющей несколько главных черт. Так, информация в рамках предлагаемой парадигмы является сырьем технологии и, следовательно, в первую очередь технология воздействует на информацию, но никак не наоборот. Эффекты новых технологий, по его мнению, охватывают все виды человеческой деятельности, а информационная технология инициирует сетевую логику изменений социальной системы. И, наконец, информационно-технологическая парадигма основана на гибкости, когда способность к реконфигурации становится «решающей чертой в обществе» [3, с. 77]. Взятые все вместе характеристики информационно-технологической парадигмы и являются фундаментом информационного общества. Такая сетевая структура отнюдь не означает распад иерархии: появляются информационно-властные узлы, замыкающие на себе основные потоки информации, финансовые ресурсы и становятся узловыми точками принятия решений. Между ними циркулируют ресурсные потоки, а сами узлы непрерывно конкурируют друг с другом.

Большое внимание М. Кастельс уделяет социальной теории пространства и теории пространства потоков. Социальная теория пространства развивается из комбинации трех факторов: физического пространства, социального пространства и времени. По М. Кастельсу, «пространство есть выражение общества» и «пространство есть кристаллизованное время» [3, с. 384], т. е. «пространство является материальной опорой социальных практик разделения времени» [3, с. 385]. Социальное пространство, то есть общество, построено вокруг организационного взаимодействия, потоков капитала, информации, технологий, изображений, звуков и символов, под которыми М. Кастельс понимает «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества». Следовательно, «пространство потоков есть материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающем через потоки» [3, с. 386]. Пространство потоков рассматривается Кастельсом в виде трех слоев: первый слой состоит из цепи электронных импульсов, сосредоточенных в микроэлектронике, телекоммуникациях, компьютерной обработке, системе вещания, высокоскоростного транспорта; второй слой состоит из узлов и коммуникационных центров, которые обеспечивают гладкое взаимодействие элементов, интегрированных в глобальные электронные сети; третий слой относится к пространственной организации доминирующих элит, осуществляющих управленческие функции.

Складывающиеся в пространстве потоков слои материальной поддержки и формируют инфраструктуру того общества, которое М. Кастельс называет информационным. Информационное общество меняет восприятие времени: «линейное, необратимое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе» [3, с. 402]. Новая концепция темпоральности, предложенная М. Кастельсом, носит название вневременного времени. Вневременное время означает, что на смену измерения времени приходят манипуляции со временем. Эти манипуляции необходимы, чтобы сделать реальной «свободу капитала от времени и избавление культуры от часов» [3, с. 403]. Освобождение глобального общества от временной зависимости ускоряется «новыми информационными технологиями и встроено в структуру сетевого общества» [3, с. 402].

Таким образом, при переходе к информационному обществу, формируется единое информационное пространство, которое выходит за пределы одного конкретного государства и носит глобальный характер во всех сферах жизнедеятельности современного общества. Значение, которое приобрел Internet в информационной деятельности человечества, диктует острую необходимость его философского изучения. Следует отметить при этом, что на настоящий момент в современной философской литературе не имеется однозначного подхода для анализа Сети, который мог бы четко передать сущность сетевых технологий и одновременно указать на их взаимосвязь с мировоззренческим контекстом культуры современности.

В 70-х гг. прошлого века произошел прорыв нового философского учения, во главе которого стояли Ж. Делёз и Ф. Гваттари. Идеалом Делёза стала «ризома» – «тело без органов», сложная структура, в которой множество различных факторов может взаимодействовать без иерархий, создавая эмерджентный системный эффект: целое значительно больше, чем сумма частей. Сам термин был заимствован из ботаники и означает определенное строение корневой системы, характеризующейся

отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов. Детально рассмотренная во втором томе главного совместного труда французских философов «Капитализм и шизофрения», эта категория получила широкое распространение и стала одной из важнейших в постмодернизме и постструктурализме. В этой работе выделяются принципы организации ризомы-корневища, соотносимых со всеми сферами общественной жизни. По мнению ученых, в широком смысле ризома может служить образом современного мира, в котором отсутствует централизация, упорядоченность и симметрия.

Первым принципом, лежащим в основе устройства ризомы, являются связь и гетерогенность. Согласно этому принципу, каждая точка корневища может быть соединена с любой другой: ризома не имеет исходного пункта развития, она не централизована и анархична по своей природе. Другими словами, ни одна ее точка не может иметь преимущество перед другой, равно как не может быть привилегированной связи между двумя отдельными точками. Таким образом, в ризоматическом конструкте все точки могут быть связаны между собой, независимо от их роли и положения [4, р. 7].

Делёз и Гваттари противопоставляют закрытым и централизованным системам открытые и децентрализованные – ризоматические множества. К первым они относят системы типа персонального компьютера, как изначально иерархические структуры, где «вся власть предоставлена памяти или центральному блоку» [4, р. 16]. Образ вторых они усматривают в ограниченных сетях автоматов, связь в которых выполняется от одного субъекта к любому другому, маршруты ее неизвестны, все участники взаимозаменяемы, а координация операций и синхронизация результата достигается без центрального органа [4, р. 17].

Здесь уместно обратиться к истории создания Internet. Идея проекта заключалась в том, что информация и данные помещаются не в одном месте, а рассредоточиваются и дублируются на перекрестно соединенных друг с другом удаленных компьютерах, обмен информацией между которыми может осуществляться по различным схемам, предполагающим как прямую связь между произвольно взятыми компьютерами, так и опосредованное подключение, в цепочке которого может быть задействовано сколь угодно промежуточных звеньев. Очевидно, что французские мыслители, приводя примеры ризоматических сетевых структур, формулируют именно те идеи, которые в наибольшей степени воплощены в Internet. Видно, что уже ранний Интернет обладал децентрализованной и антииерархической структурой, что в полной мере удовлетворяет требованию гетерогенности соединений в ризоморфных конструкциях.

В настоящее время Интернет объединяет в себе несколько миллионов компьютеров, число которых неуклонно возрастает. Сеть сегодня принципиально открытая структура: каждый потенциально может продолжить ее границы. Следует отметить, что глобальная сеть унаследовала от своего прообраза децентрализованное и антииерархическое устройство – в ней нет центрального пункта, контролирующего информационные потоки. Пути передачи информации не являются заданными и неизменными – они варьируются в зависимости от загруженности линий, вплоть до парадоксальности с точки зрения географии. В виртуальном мире Сети своя география, а для пользователя маршрут, по которому проходит информация, не имеет равным счетом никакого значения, главное для него – возможность непосредственного контакта с любым адресатом и возможность прямого доступа к любой странице, независимо от ее местоположения в глобальной сети. Таким образом, нет никаких препятствий в том, чтобы применить такие принципы конструкции ризомы, как связь и гетерогенность для характеристики современной Сети.

Другой принцип, который Делёз и Гваттари кладут в устройство ризомы, – это принцип множественности. Наилучшим примером, иллюстрирующим его действие, является кукловод, управляющий своей марионеткой. Французские философы утверждают, что на самом деле движениями куклы руководит не желание кукловода, а «множественность нервных волокон», т.е. кукловод сам оказывается марионеткой этой множественности [4, р. 8], которая понимается сама по себе, вне связи как с субъектом, так и с объектом. При таком подходе главенствующая роль отводится не точкам контакта между нитками и куклой или точкам контакта между руками кукольника и деревянной рамкой, а линиям, соединяющим точки – именно они имеют наибольшее значение [4, р. 8].

Применительно к глобальной сети Internet принцип множественности можно проинтерпретировать следующим образом. Во-первых, по аналогии с кукловодом и куклой, соединениями компьютера управляет не клавиатура и не руки, лежащие на ней, а «множественность нервных волокон» пользователя, находящая свое продолжение во множестве кодируемых и декодируемых комбинаций, на которые распадаются посылаемые сигналы во множестве каналов связи. Здесь уместно вспомнить М. Маклюэна, отмечавшего, что электронные средства коммуникации являются «продолжением цен-

тральной нервной системы» [5, с. 343] человека и преобразуют все стороны его психической и общественной жизни. Во-вторых, исходя из того, что в ризоме существенными являются не узлы связи, а линии соединения, можно утверждать, что и в Интернете имеет место подобное явление. Хотя соединения в сети устанавливаются как связь одного компьютера с другим, важным является то, что движение по сети это не есть движение к конкретной цели, да и вообще не является движением в прямом смысле этого слова – пользователь физически не меняет своего положения в пространстве. Как метко заметил отец киберпанка У. Гиббсон – глобальная сеть это «коллективная галлюцинация», киберпространство, за пределами которого не существует объектов, которые мы виртуально посещаем. Существуют лишь линии – каналы связи, соединяющие веб-страницы. Именно линии связи и перекрестные ссылки делают сеть глобальным пространством, а не разрозненной группой компьютеров.

Следующий принцип, имманентный ризоме, получил название принципа незначашего разрыва. Согласно ему, корневище может быть разорвано в любом месте, но, несмотря на это, оно возобновит свой рост либо в старом направлении, либо выберет новое [4, р. 9]. Именно этого и добивались разработчики Интернета, чтобы свести на нет последствия возможных расчленений сети управления. Именно несущественность разрывов в Сети привела в настоящее время к тому, что Internet стал той детерриториализованной зоной свободы, которой он является сегодня. Возможность альтернативных обходных маршрутов делает попытки изоляции какой либо ее части бессмысленными. Ввиду разветвленной и многоканальной структуры глобальной сети стала практически невозможным ограничение к какой либо ее части, доступ к которой по тем или иным причинам власти сочтут нежелательным. Это подтверждается и тем, что на сегодняшний момент Internet является самым неуязвимым из средств массовой коммуникации.

Последними принципами, заложенными в основу построения ризомы, являются картография и декалькомания. С их помощью Делёз и Гваттари заявляют что ризома – это не механизм копирования, а карта с множеством входов. Противопоставляя кальку и карту, ученые подчеркивают, что последняя по своей природе открыта и восприимчива к изменениям. Калька, наоборот, не подвержена модификации, она не создает ничего нового и лишь копирует имеющиеся линии и очертания. Изображение на карте никогда нельзя считать окончательным – он постоянно меняется, как меняется и сама действительность. Карты могут существовать независимо от того, существует ли что-либо вне карты, она, в противоположность кальке, не репродуцирует реальность, а экспериментирует, вступает с ней «в схватку» [4, р. 12]. Именно такими идеями руководствовались Делёз и Гваттари – ризоморфные объекты, принципиально не поддаются калькированию и не могут быть воспроизведены в качестве реплик.

Всемирная Сеть – это принципиально незаконченная, анти-иерархическая, динамично развивающаяся система, в ней нет фиксированных, неизменных маршрутов. В киберпространстве нет фиксированных, неизменных маршрутов, оно не расчерчено линиями проторенных магистралей. Непрерывно происходящие процессы изменения не позволяют сети стать тождественной самой себе, что делает невозможным ее калькирование. Интернет не может быть заключен в рамки какой-либо структурной или порождающей модели. Когда идет речь о перманентной трансформации «рисунка» сети, необходимо учитывать, что причиной ее является не только «физическое» возникновение новых маршрутов: введение дополнительных оптических каналов, подключение новых компьютеров и т.п. Немаловажным фактором является и то, что пользователь постоянно меняет свою схему движения, выбирая и осваивая различные, часто альтернативные траектории. В этом смысле Internet – карта с «множеством входов», среди которых каждый является потенциальной отправной точкой. Пользователь может начать маршрут движения по сети с любого узла, будь то его домашняя страница, страница его университета или провайдера, однако последующие шаги в информационном пространстве Internet с его разветвленной структурой и множеством ссылок не являются детерминированными, а зависят лишь от преследуемой пользователем цели, или же от ее отсутствия.

Internet является номадическим пространством, маршруты миграции в котором создаются пользователями, целеустремленно или хаотически перемещающимся по Сети вместо движения по известным магистралям. Именно в этом и обнаруживается подтверждение соответствия глобальной сети Internet ризоматическим принципам картографии и декалькомании.

Таким образом, рассмотрение всех основных принципов устройства ризомы демонстрируют их адекватность для философского анализа сети Internet. С помощью категории «ризома» раскрываются философские, онтологические аспекты глобальной сети. Но главное состоит в том, что это важно не только с целью иллюстрации приложимости постмодернизма, поставленная задача ни в коей мере не ограничивается только этим – на основании уже сделанных выводов, можно показать, как ризоморф-

ная конструкция Internet влияет на социальные отношения выстраиваемые вокруг глобальной сети и способствует формированию специфической формы культуры информационного общества.

Концепт ризомы имеет нечто общее с теорией таких информационных конструктов, как генов и мемов. Кластеры Сети, в которых произошло удачное сочетание информационных конструктов, то есть произошел некий информационный резонанс, образуют узловые точки. При таком подходе каждый индивид – не устойчивое его, а феномен информационного резонанса, а наиболее удачные комбинации могут составлять основу развития узлов нетократии. Модель кластеров-узлов, возникающих при «размножении» точек сингулярности, по сути и является моделью сетевого информационного общества – единой всеобъемлющей органической сети.

Литература

1. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.
2. *Poster M.* The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge: Polity Press, 1990.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана). М., 2000.
4. *Deleuze G., Guattari F.A.* Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
5. *Маклюэн М.* Средство само есть содержание // Информационное общество. М., 2004.

28 мая 2007 г.

В.И. Родионова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Технологизация культуры – сложное явление, раскрыть природу феномена технологизации культуры возможно с помощью различных методологических подходов. В рамках деятельностного подхода, характерного для отечественной культурологии, культура является процессом творческой деятельности, в ходе которого происходит и духовное обогащение общества, и самосозидание человека как субъекта культурно-исторического процесса. Рассмотрение культуры в связи с человеческой деятельностью позволяет определить эту связь процессуально, т.е. с точки зрения наполнения ее технологиями. Технология выступает как рационально организованный способ деятельности. Деятельностный подход органично связан с аксиологическим подходом, ценности ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении. Технологизация культуры изначально определяется аксиологическими контурами.

Технологизация культуры – сложное явление, раскрыть природу феномена технологизации культуры возможно с помощью различных методологических подходов, которые автором рассматриваются в данной статье. Анализ явления технологизации своими корнями уходит в первоначальное понимание термина культуры, данное известным римлянином Цицероном, по его мнению, это обработка, возделывания почвы, а также направления человеческих действий в совокупности, прежде всего на мир и на себя. Мысли Цицерона охватывали и первые технологии, которыми объят сегодня весь мир, все сферы человеческого бытия.

Культура – это неотъемлемая сторона жизни общества, она неотделима от человека как социального существа. Не может быть общества без культуры, как и культуры без общества. Культура – это духовный компонент человеческой деятельности, составная часть и условие всей системы деятельности, обеспечивающей различные стороны жизни человека. В рамках деятельностного подхода, характерного для отечественной культурологии, наибольшее распространение получила точка зрения о том, что культура является процессом творческой деятельности, в ходе которого происходит и духовное обогащение общества, и самосозидание человека как субъекта культурно-исторического процесса. Здесь внимание акцентируется на том, что культура дает возможность человеку родиться второй раз (первое рождение – это биологический акт!). Деятельность можно определить как специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование окружающего мира, включая самого себя и условия своего существования. В деятельности человек создает предметы материальной и духовной культуры, преобразует свои способности, сохраняет и совершенствует природу, строит общество, создает то, что без его активности не существовало в природе.

Методологическое значение деятельности подчеркивают исследователи ростовской школы Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов, они справедливо отмечают, что «так как общество есть способ существования человека, то деятельность человека определяется «архитектурой» социальной деятельности». Особое значение в деятельности играют ее социокультурные основания, как указывает Э.С. Маркарян, человеческая деятельность – социальная по своей природе активность, программируемая и реализуемая с помощью механизмов культуры.

Рассмотрение культуры в связи с человеческой деятельностью позволяет определить эту связь процессуально, т. е. с точки зрения наполнения ее технологиями. Термин технология имеет ряд смысловых нагрузок: он применяется в промышленности, науке, искусстве и других областях человеческой деятельности. В современной литературе существуют различные трактовки понятия технологии: в классической инженерной трактовке технология рассматривается применительно к обработке материалов, в научной – научная дисциплина, в узкопроизводственной – это совокупность операций применительно к материалу; технологией принято называть описание производственных процессов, инструкции по их выполнению, технологические правила, требования, карты и пр. С философской точки зрения, технология – совокупность способов, которыми социальные группы овладевают объектами культуры.

В истории человеческой мысли К. Маркс одним из первых спроецировал понятие технологии на общественную сферу. Он отмечал, что технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем его общественные условия жизни и притекающие из них духовные представления, он трактовал технологичность как структурную расчлененность, упорядоченность, целесообразную организованность любого процесса социальной деятельности в противовес стихийным процессам. Кроме этого, технологию следует понимать как интеллектуальную переработку технически значимых качеств и способностей объектов. В расширенной трактовке технологии К. Маркс интегрирует ее различные аспекты: технологии как науки, как средства достижения поставленной цели, опыта и навыков, процесса преобразования любой деятельности, процесса социального потребления. Технология выступает, как рационально организованный способ деятельности. В сущности, это культурное понятие, связанное с мышлением и деятельностью человека. Оно определяет место человека в природе, рамки его возможного вмешательства в природные процессы. Технологизация связана с расширением поля отношений развивающейся теории и сферы ее применения. По мере того, как современная наука, впрочем и как все сферы человеческой деятельности, движется по пути специализации, дитализирует свои концепции, наиболее важным результатом ее связи с технологией становится интеграция различных областей в условиях тотальной технологизации. Технологическое понимание культуры как системы человеческой деятельности дает возможность говорить о ее технологизации в истории и современности.

Технология, по мнению В.М. Розина, – одна из специализированных форм развития деятельности, деятельность – более широкая категория, чем технология, но технология – более конкретная специфическая категория, поскольку с технологией связаны ряд особых, современных механизмов развития деятельности. Технология – один из специфических видов деятельности, в контексте философско-методологического мышления она относится не к основаниям, а к предметной области культуры. В качестве этой предметной области может выступать как природа, так и социум. Деятельность изначально включает в себя такие элементы, которые по своей природе определяют сущность технологий, ее целенаправленность, функциональность, социальную эффективность, развитие и воспроизводство. Кроме этого, деятельность предполагает осознание и контроль, профессиональный опыт, методические знания (в древности – это запреты и табу, а в современности – правила, способы и приемы деятельности). Наполненность культуры технологиями как макроспособами человеческой деятельности определяет состояние ее технологизации, а каждый этап исторического развития культуры имеет свою степень технологизации. Это проявляется в качестве рефлексии над существующими технологиями, наполнения смыслами, интерпретациями, пониманием, развитием социальных практик экзистенции человека. В социальном ракурсе, технологизация – это осознанная деятельность по выстраиванию цепей процедур и операций, необходимых для достижения прикладных целей и отстраивания моделей таких цепей. Технологизация выступает как показатель развития человеческой деятельности и мыслима и осуществима только тогда, когда и целеполагание и проблематизация уже осуществлены, автор осмысливает технологизацию как состояние культуры, в которой технологические процессы охватили все сферы человеческого бытия.

Место, роль, значение технологизации культуры может быть осмыслено в контексте связки «технология – техника». В них отражается постоянное взаимодействие человека с миром в целях его преобразования, а также диалектика объективного и субъективного, причем субъективное понятие – это

человек как сложная и разноплановая система, которая распредмечивает через диалектическое единство технологии и техники свои силы, способности, творческие устремления. Что касается содержания диалектического единства технологии и техники, то движущим началом по-прежнему остается технология. Однако культурное развитие будет зависеть в одних случаях от новых технологий, в других – от создания или изобретения новой техники, а в третьих – от их совместного сочетания. Конкретно-исторический анализ культуры показывает специфическую мозаику сочетания техники, технологии, а общим параметром выступает технологизация культуры. Нет сомнений, что техника лежит в основе культуры, человек обязан ей своим становлением, «технэ» как человеческое умение преобразовывать первую природу во вторую определило мир культуры. Принципиальным свойством техники является ее искусственность, «деланность», и вследствие этого, техника – не только явление культуры, но и мера культурного развития общества. Прогрессируя, техника определила культурный образ человека, наметила контуры его аксиологической реальности, это касается и системы человеческой деятельности. Сторонники деятельностного подхода активно взаимодействуют с представителями аксиологического, понимая культуру, ее развитие комплексно, с учетом элементов и детерминант деятельности, определяя ее ценностные ряды.

Таким образом, деятельностный подход органично связан с аксиологическим подходом, ценности ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении. С позиции ценностно-культурного подхода в структуре человеческой деятельности выделяется ее четыре элементарные формы: познание, преобразование, ценностное сознание и общение. Ценность – это человеческое измерение культуры, духовные опоры культуры, так как культура многогранна и только в системе ценностей можно достаточно содержательно понять ее проявления. Вне культуры развитие человека лишается смысла, каждый человек, вбирая ценности наличной культуры, выстраивает их в мобильную иерархическую систему, которая постепенно со временем преобразовывается. В культуре выражаются, хранятся, осваиваются и передаются ценности, которые ориентируют человека в мире, наполняют его жизнь всесторонним содержанием, иначе говоря, «система взглядов, которая не упорядочивает и не иерархизирует окружающий мир по его ценностным признакам, просто не может быть названа культурой» [3]. В понимании природы ценности существуют две основные тенденции. Согласно первой, ценность – осуществление эмоций, желаний, имеющими ценность считаются предмет или явления, которые удовлетворяют какое-либо желание человека. В противоположность психологичности такого понимания, другое направление пытается найти ценности метафизическое объяснение и оправдание. Понятие ценности в философии подразумевает эмоциональное отношение человека к действительности и одновременно определяет значимость мира вокруг него. Обобщая идеи, высказанные философами, можно сделать вывод, что именно спецификой человеческого бытия обусловлены ценности человека.

Технологизация культуры изначально определяется аксиологическими контурами, это проявляется в направленности или телеологичности технологий, как сказал бы великий Аристотель. В одном случае, технологические параметры развития культуры имеют целью развитие техники, и тогда в обществе формируется технократизм как мировоззренческая доминанта, а в другом – начинают преобладать антропологические элементы в содержании технологизации, а мировоззренческой установкой становится гуманизм. Гуманистические принципы и идеалы получили широкое распространение в современной культуре. Гуманизм – достаточно многообразное и исторически определенное понятие. Гуманизм Ренессанса, утверждающий мощь и свободу творческого человеческого духа, носил элитарный характер, поскольку его мораль была индивидуалистической, значимой для немногих избранных. Суть современного гуманизма заключается в его универсальности: он адресуется каждому человеку, провозглашает право каждого на жизнь, благосостояние, свободу, это преодоление элитарности, демократический гуманизм. Гуманистическая ориентация культуры XXI в. видна не только в политическом, нравственном и других аспектах, но и в современных видах культурной деятельности, что проявляется в появлении таких технологий, как технологии персонализации, манипулятивные социальные технологии. В XXI в. общей тенденцией развития культуры является универсализация, т.е. появление таких культурных способов, которые не разъединяют, а помогают формировать мировое поле культуры, делают культурные контакты стран более эффективными, а взаимодействие людей – полноценным и активным, преодолевая эмоциональный дефицит человеческого общения.

Человек по своей природе – существо, ориентированное на смысл и стремящееся к ценностям, подчиняющееся императивам нравственности и духовности, обладающее свободой выбора и способностью предвидеть последствия своего поведения. Это фундамент универсальной основы человеческого рода при всех социальных, культурных и индивидуальных различиях между конкретными людьми. Возможность реализовать эти ценности, в конечном счете, и определяет духовное здоровье

личности в любом обществе. Следовательно, стремление к реализации экзистенциальных ценностей обусловлено антропологическими характеристиками человека как особого, уникального природного существа. Вопрос о специфике человеческого существования оказывается напрямую связан с вопросом о сущности и назначении культуры и степени ее технологизации. Каким же образом культура участвует в решении экзистенциальных проблем человеческого существования? В современной культуре появляются новые формы деятельности, которые способствуют самореализации личности и несут в себе гуманистическую нагрузку, на сегодняшний день они проявляются в изменении статуса массовых технологий.

Технологии выступают не только как алгоритмы человеческой деятельности, обусловленные ценностными основаниями конкретной культуры, через них культура выступает как системная целостность, поэтому проблема применимости системного подхода к анализу культуры в целом и процесса ее технологизации достаточно продуктивна. Технологизация является общесистемным параметром культуры, поэтому одним из путей упорядочивания накопившихся знаний о феномене технологизации в культуре является применение системного подхода, представляющего собой направление философии и методологии науки, научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объекта как системы. Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. И если в специальной литературе большое внимание уделяется технологизации в конкретной сфере, то в контексте философско-методологического анализа принцип системности необходим для осмысления проникновения технологизации, как состояния культуры в сфере природного и социального.

Системный подход занимает центральное место в ряду методологических исследований и учитывает важные аспекты: онтологический (системен ли в своей сущности мир, в котором мы живем?); онтологически-гносеологический (системно ли наше знание и адекватна ли его системность системности мира?); гносеологический (системен ли процесс познания и есть ли пределы системному познанию мира?); практический (системна ли преобразующая деятельность человека?), касающийся человеческой культуры [2]. Существует несколько идей поиска главных факторов образования системы с философской точки зрения: П.К.Анохин выдвинул идею, что решающим и единственным фактором является результат функционирования системы, который, будучи недостаточным, активно влияет на отбор именно тех степеней свободы из компонентов системы, которые при их интегрировании определяют дальнейшее получение полноценного результата [1]. Встречается мнение, что системообразующим фактором является цель: элементы системы объединяются и функционируют ради определенной цели. Мир представляет собой единство систем, находящихся на разном уровне развития, причем каждый уровень служит средством и основой существования другого, более высокого уровня развития систем.

Применение принципов системного подхода к изучению культуры, к анализу культурных процессов собственно и определяет специфику философского знания, которое подразумевает культуру как некий целостный системный феномен. Его общесистемные параметры, смысл и логика их изменений от одной культурной эпохи к другой (причем это в равной мере относится как к культуре в целом, так и к более низким иерархическим уровням ее рассмотрения – культуре историко-культурной эпохи, региона, нации, общности, отдельным подсистемам культуры и т. д.). В центре ее внимания – то, что характеризует культуру как нечто большее, чем сумма составляющих ее элементов. Системный подход является, следовательно, методологической основой к пониманию технологизации культуры. Отношение к культуре как к системе позволяет выявить феноменологическую сущность культуры и понять, какие же процессы обеспечивают ее «жизнь и жизнедеятельность» в человеческом обществе. Причем именно системный анализ дает нам возможность выделить и подчеркнуть значение ряда тех важнейших специфических свойств культуры, совокупность которых как раз и определяет ее существование в виде целостно-системного феномена, уточнить определение самого объекта философского исследования и выработать адекватную технологию его изучения.

Современная эпоха в интеллектуальном плане характеризуется как постклассическая, что позволяет использовать в качестве магистрального направления развития современной методологии права основной принцип постклассицизма – методологический плюрализм, характерными особенностями которого являются, во-первых, представление о методологии как синтезе различных исследовательских парадигм, способных воссоздать в общей картине все многообразие социокультурной реальности; во-вторых, признание познавательных возможностей различных методов и их использование для оптимизации результатов исследования; в-третьих, понимание того, что социальная реальность настолько сложна, что требует взаимодействия и взаимодополнения разных принципов и методов.

Литература

1. Анохин П.К. Философские аспекты функционирования системы. М., 1999.
2. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода. М., 1998.
3. Флиер А.Я. Апология гуманистики // Философские науки. 2000. № 3.

5 июня 2007 г.

В.В. Ходяков

ИНФОРМАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Речь идет об информации как об одном из элементов повседневной жизни общества, главном объекте адаптации и трансформации социального пространства и всей социальной структуры. Информация повседневности предполагает наличие двух объектов – источника и потребителя информации, между которыми происходит постоянное взаимодействие. Автор рассматривает виды повседневной информации, ее восприятие и обработку человеческим сознанием. Рассматривается проблема передачи информации и влияние внешних и внутренних факторов на ее достоверность, проблема СМИ в современном обществе.

Такое слово как «информация» известно всем и, наверняка, каждый может дать ему свое определение. Информация сопровождает все отрасли человеческой деятельности, а само понятие информации наполнено громадным смыслом. В данной статье я попытаюсь показать, может ли информация выступать в качестве одного из важнейших элементов повседневности и как она влияет на человека? Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся коротко дать определение повседневности. Это бытовая сторона жизни, т.е. это совокупность обыденных, привычных, обычных будничных явлений и предметов. Слово «повседневность» обозначает само собой разумеющуюся реальность, мир, который окружает человека. Повседневный мир – это мир, в котором мы живем каждый день и час. В нем мы рождаемся и в нем умираем.

Изо дня в день человек узнает что-то новое, накапливает опыт и обменивается им. Совершая какие-либо действия (движения, мысли, речь) в повседневной жизни, каждый из нас приходит к какому-либо результату. Все сведения, которые человек получает от окружающего мира с помощью пяти органов чувств: вкуса, обоняния, осязания, зрения, слуха – это и есть информация повседневности. Все в мире несет информацию благодаря так называемой памяти объектов. Будь это обычный камень или живой организм. Информация сопровождает нас всегда и независимо от того, спим мы или бодрствуем. По мнению Николая Сергеевича Леонова, «человек не отдавая себе отчета ежесекундно, ежеминутно пользуется громадным количеством информации, которую мы получаем от внешнего мира». Теперь с полной уверенностью можно утверждать, что информация может выступать в качестве одного из важнейших элементов повседневности.

Существует два вида повседневной информации: целенаправленная и фоновая. Целенаправленная информация целенаправленно достигает человека и проходит процесс обработки. Фоновую же информацию мы практически игнорируем, так как она играет второстепенную роль. В качестве фоновой информации могут выступать такие явления как шум машин, время суток, погода и т.п. На протяжении всей жизни информация повседневности помогает каждому из нас сориентироваться в определенном месте и в определенной ситуации. Информация повседневности предполагает наличие двух объектов – источника и потребителя информации, между которыми происходит постоянное взаимодействие. Для того чтобы информация могла быть передана от источника к потребителю, состояние источника обязательно должно быть отражено во внешней среде, воздействующей на приемные органы чувств. Источником информации может выступать не только окружающий нас мир, но и сам человек.

Какую информацию повседневности мы получаем и правильно ли мы ее обрабатываем? Приведем простой пример обработки повседневной информации. Предположим, что вам нужно перейти перекресток с оживленным движением автотранспорта. В этой ситуации вы, не отдавая себе отчета, автоматически получаете информационные сигналы. В зависимости от полученной информации вы просчитываете скорость движения автомобилей, погодные условия и скорость, с которой вам нужно идти. За мгновение вы принимаете решение ваших действий. Быстрота принятия решений зависит от восприятия информации. «Восприятие информации – процесс преобразования сведений, поступающих в техническую систему или живой организм из внешнего мира, в форму, пригодную для дальнейшего использования. Благодаря восприятию информации обеспечивается связь системы с внеш-

ней средой (в качестве которой могут выступать человек, наблюдаемый объект, явление или процесс и т.д.)» [1].

Вся обработка поступающей информации проходит три этапа: получение информации, ее обработка и получение результата. Благодаря такой способности обработки информации человечество и выживает на свете весьма успешно. В зависимости от поступающей информации человек может отбрасывать не нужные (второстепенные) информационные сигналы. Каждый информационный сигнал имеет свой смысл, отличный от смысла самого факта поступления сигнала. Сигнал красного цвета светофора информирует о том, что нужно остановиться. Смысл информации повседневности складывается в аппарате мышления человека, после того как он ее получает. Как было сказано выше, когда информация достигает адресата, она моментально обрабатывается и может быть преобразована с целью последующего использования. У каждого субъекта общества есть свой смысл поступающей информации, но смысл, который интерпретируется обществом, уже понимается как знание, а знание – есть опыт. Под словом опыт понимается автоматизированный сбор и процесс извлечения знаний, посредством получения повседневной информации через взаимодействие с людьми и окружающей нас природы. «С точки зрения индивидуального человеческого сознания информация – это то, что поступает в наш мозг из многих источников и во многих формах и, взаимодействуя там, образует нашу структуру знания» [2].

Информация повседневности стала главным объектом адаптации и социальным пространством трансформации всей социальной структуры общества. Благодаря всему, что нас окружает, тому, что мы слышим, видим и чувствуем, мы формируем и накапливаем опыт.

Темп современной жизни велик, поэтому информация повседневности возрастает в объеме, следовательно, и знания стремительно увеличиваются. Общество приспосабливается к такой среде перемен и количеству вариантов выбора. Как мы принимаем решения путем обработки информации – является одним из фундаментальных способов приспособления. «Человек — это информационное животное» – такое определение сформулировал известный физик С.П. Капица. Человек не может жить без информации, и как только прекращается поступление информации, он умирает.

По роду происхождения информацию повседневности можно разделить на два вида: информация, существующая независимо от человека, т.е. биологическая информация, и информация, созданная самим человеком для человека, иными словами, это процесс социальной коммуникации, при которой происходит обмен социальной информацией. Мир информации созданный человеком, т.е. искусственно, ученые называют «ноосферой». Это особый мир, который человек ощущает в виде абстрактных понятий, например, средства массовой информации, где мы узнаем последние новости о происходящем в стране и за ее пределами, это всевозможные научные статьи, пресса, телевидение или информация, получаемая через общение с другим человеком. Получение информации путем общения между людьми является главным аспектом извлечения информации, поскольку такой метод определяет эффективность и успешность взаимодействия источника и получателя информации.

Но существует проблема передачи такой информации, и она заключается в том, что во время общения велика вероятность потери достоверности. Пример передачи информации, при которой теряется часть достоверности: студент на лекции по ходу беседы с преподавателем ведет конспект, и как всегда присутствуют определенные недостатки во время записи – это быстрая речь преподавателя, и в итоге студент не успевает записывать и пропускает часть мыслей, или когда студент, выслушав лектора, по памяти пытается на листке бумаге восстановить сказанное преподавателем. Потеря части достоверной информации зависит от многих внешних и внутренних факторов. Факторы, влияющие на эффективность передачи информации: память; наблюдательность; сосредоточенность; воображение; общительность; настроение; окружающая обстановка. Все они строятся на психологическом уровне, и проблема передачи информации зависит от психологического состояния человека.

Е.А. Орлова данный процесс обмена информации через общение называет коммуникативной стороной. «Коммуникативная сторона – обмен информацией между общающимися сторонами. При этом нельзя рассматривать общение как простое «движение» информации, так как мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом. Особую роль для каждого участника общения играет значимость информации, цели, мотивы, установки его самого и другого участника. Также информация должна быть не только просто принята, но и понята, осмысленна» [3, с. 7].

При просмотре телепередач, чтении книг мы принимаем данные, которые становятся информацией. Как правило, такую информацию повседневности нам навязывают, и мы впитываем и обрабатываем ее одним из важных рецепторов – мозгом. Получая новые данные, и имея накопленные старые, мы формируем свое мировоззрение. Искусственно созданную информацию можно классифицировать по трем направлениям:

1. Государственная информация повседневности – общественнополитическая, исследования и опросы социологов, политологов, проведение выборных компаний, данные, касающиеся внешней и внутренней политики. Она создается нашим правительством и государственными структурами с целью управления народом, а также мобилизации экономических, людских ресурсов в интересах страны.
2. Досуговая информация повседневности – информация, созданная для занятия свободного времени общества: информатизация сферы отдыха и творчества, распространение средств массовой информации и вся индустрия развлечений в целом.
3. Нормативная информация повседневности, моделирующая сознание – нормы и правила поведения человека в обществе, информатизация сферы образования, информация, формирующая стереотипы социального поведения людей, качество их жизни, новые привычки.

Обычно такая повседневная информация создается для обработки массового сознания, путем влияния на психику человека, а также целых общественных объединений. Информация такого рода играет исключительно важную роль в стабилизации общества. Все три направления повседневной информации могут изменяться в зависимости от состояния общественного строя. Как известно, правительственная власть государства является жизненной основой общества.

Благополучие человека во многом связано с условиями и качеством повседневной информации как естественной, так и искусственно созданной. Угроза глобального информационного кризиса, вставшая перед человечеством на современном этапе развития, оказывает влияние на все стороны общественной жизни, модернизируя направления деятельности людей и изменяя их сознание. Человек все интенсивней взаимодействует с информацией, которая в результате взаимодействия проявляет не только полезные, но и вредные факторы.

Информация повседневности охватывает такие сферы сознания духовного производства как познание, нравственность, воспитание и образование, а также философию, этику, эстетику, право, религию, науку, искусство, литературу, мифологию. Но если присмотреться к качеству получаемой искусственно созданной информации, становится ясно, что она не настолько качественна, как хотелось бы. Это является сложной проблемой, которая требует много усилий, для своего решения. Можно говорить лишь о некоторых источниках информации повседневности и в частности о СМИ. Все культурно-духовные основы развития общества подвергнуты влиянию СМИ. Средства массовой информации создают общественную проблему, влияющую на межличностные отношения и на общественное мнение. Данные, поступающие от средств массовой информации, довольно-таки многообразны и имеют большие объемы. Огромное количество информации образует некоторую неопределенность в структуре общества. Все зависит, как информация повседневности воспринимается субъектом общества, как она обрабатывается. Приведем пример. Молодое поколение значительно отличается от своих родителей как духовно, так и социально. Это происходит потому, что поколение родителей во время формирования их сознания и мировоззрения получало информацию, заметно отличающуюся от нынешней. Свобода слова и действий СМИ всех направлений на современном жизненном этапе, на мой взгляд, пагубно влияет на подрастающее поколение. Здесь нужно учитывать практически полное отсутствие цензуры, которое искажает взгляды на мировоззрение (данные официальной статистики, социологических опросов и пр.). Такая дисгармония в информационном содержании приводит к культурному и социальному дисбалансу на уровне общества и личности. Существует интересное замечание Н. Бердяева, он писал, что в поднявшемся «мировом вихре в ускоренном темпе движения» все смещается со своих мест. Но в этом вихре могут погибнуть и величайшие ценности, может «не устоять человек», он «может быть разодран в клочья».

Неравномерность развития культуры повседневной информации становится главной проблемой современности. Выход из кризиса основывается прежде всего на устранении всего того, что мешает развертыванию грамотно созданной информации. Но в информации ли, созданной человеком, проблема? Данная проблема осознается философами и социологами, они считают, что за ней кроется страшная угроза, которая нависает над человечеством, и решение этой проблемы лежит в политике и самих людях. Этого можно достигнуть путем восстановления информационного порядка и законосообразности социальной жизни.

Помимо отрицательных факторов, как было сказано выше, существует и множество положительных. Искусственная информация повседневности является базисом, на котором строятся бытие и отношения среди людей. Это передача знаний, ценностей, норм и образцов индивидам, социальным группам и общностям. В какой-то степени она корректирует сознание человека. Коррективы вносятся на основе исследований информации при наличии негативных последствий. Идет постоянная регуляция информационных процессов. Предполагается учет социокультурной информации, целей, задач

и построение идеальной модели развития информации повседневности путем знаний, ценностей, норм и образцов. Информация становится строительным материалом для построения взглядов на общество.

Современная жизнь отличается от всех прежних времен поразительными достижениями в увеличении роста информации в ее объеме. Общество должно адаптироваться к нынешним условиям. Но будем надеяться, что человечество со временем справится с нависшей проблемой коммуникативной информации. Человек – это не машина и ему присущи такие прерогативы как выбор, принятие обдуманных решений, т.е. мы получаем только те сигналы повседневной информации, которые играют определенную ценность для нас. Мы сами для себя выбираем важность получаемой информации.

В заключение хотелось бы сделать вывод. Любая повседневная информация создается обществом для удовлетворения его жизненных потребностей. Взаимодействуя друг с другом, человек передает и получает информацию для достижения своей цели. Накапливая информацию, общество формирует базу знаний, которая будет передаваться из поколения в поколения до тех пор, пока человечество не потеряет интерес к наполнению и развитию знаний.

Литература

1. Семенов М.В. Информатика: экзаменационные ответы для студентов вузов. Ростов-н/Д, 2000.
2. Фридланд А.Я. Информатика: процессы, системы, ресурсы. М., 2003.
3. Орлова Е.А. Я и другой (искусство общения). Тула, 1995.

18 мая 2007 г.

М.Л. Хушеев

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ПРИЧИНЫ

Статья посвящена анализу одной из причин кризиса правовой культуры современного российского социума – отрицанию значимости права как ценности. В контексте специфики культуры власти в современной России констатируется периферийное положение права в механизме принятия политических решений. Исправление такого положения права в системе властных отношений может быть успешным, если рассматривать его с точки зрения актуализации аксиологического подхода к праву. Технология оптимизации правоотношений состоит в понимании процесса правовой социализации через усвоение иерархии правовых ценностей.

Аморфность, безликость современной российской культуры выражается в кризисе современной русской правовой культуры. Огромный поток законодательных актов существует параллельно, независимо от реальной общественной жизни, в которой царит беззаконие и произвол. Некодифицированные обычаи и моральные запреты уже не действуют на социальном уровне, а внедряемые извне ценностные ориентации воспринимаются искаженно и некритично. В нынешних условиях следует осознать, что преодоление кризиса невозможно без восстановления «символического ядра культуры», которое и творит в своем предельном значении право как ценность. Без ценностного наполнения, без символического содержания право останется пустой формой, недейственной и бессмысленной.

Правовые ценности видятся как единые для всех времен и народов императивы личного правового поведения и нравственные контексты общественного сознания. Установить метаюридический масштаб оценки права, сохранив действенность регулятивных функций правовых норм и институтов, представляется возможным при условии и в процессе выяснения содержания понятия ценности, свойственного данной культурной традиции, и последующего изучения преобладающих суждений о праве как ценности, занимающей особое место в системе ценностей общества. Так может быть выработан идеальный критерий оценки права с позиции заложенных в самом праве ценностных оснований правовой культуры. Это может обеспечить оптимальное сочетание в науке о праве вопросов исторической преемственности и национального своеобразия с проблемой творческого развития положений «позитивного» права в соответствии с образцами, присущими данной культурной градации.

В символе изначально отсутствует противостояние сущего и должного, потребности и воли субъекта и объекта. Ценность непосредственно достижима. Включение ее в мотивационную сферу индивида не требует разработки социальной технологии. Символ – актуальное неслиянное, нераздельное единство сакрального и профанического (утилитарного, мирского). Он есть воображение бесконечного в конечном, не умаляющего ни объективного духовного смысла, ни субъективного чувства ценности.

Ценность-символ преемственно живет в общенародной памяти, переживается субъектом предметно, но в то же время глубоко интимно. Человека с символическим видением ценности отличает любовное отношение к окружающему миру и чувство личной сопричастности делу воплощения Добра и Правды в жизнь. Общенародное участие в неустанном и творческом воспроизведении символической реальности на уровне обычая и литургии обозначается термином «соборность», вызывает ощущение внутреннего сущностного родства субъекта и объекта познания деятельности, утверждает целостность содержания понятия ценность.

«Под правовым освоением следует понимать совокупность приемов и способов, с помощью которых осуществляется познание бытия правовой материи субъектом. Правовое освоение соединяет абстрактное и формальное право и его реальное проявление в качестве конкретного отображения в правовой материи. В процессе освоения происходит движение от абстрактного права к конкретным «частичкам» правовой материи. Смысл проблемы заключается в том, что правовые ценности рассматриваются в современной науке на уровне должного, но не на уровне сущего». Право понимается как феномен, определяемый человеческим смыслом, типом человека. Правовое освоение действительности обусловлено формой, которая представляет собой совокупность субъектов, способов и форм. Способы правового освоения действительности характеризуют реальное бытие правовой материи. Они непосредственно фиксируют абстрактное право, выделяют его из теории права и переводят в правовую материю, определяя ему конкретное место как носителю бытия. Способами освоения являются технология и археология власти. Власть – это вещное по своей природе отношение, атрибут человеческого существования. Он выражен определенной технологией (процедурой) воспроизводства феноменов, связывающих людей. Процедура власти – это модель осуществления власти по конкретной индивидуальности, открытый способ правового освоения, представленный через ощущение, восприятие, понимание реального бытия правовой материи. В литературе имеется описание двух форм правового освоения процедур власти. Классическая форма освоения правовой действительности в европейской культуре определяется владением, как принцип построения правовой материи имущественное по своей сути отношение связано с собственностью. Последняя представляет индивида не только в имущественных отношениях, но и в межличностных и в правовых, насколько индивид представлен в них, настолько он владеет собственностью и может осваивать мир при помощи права.

Технология власти в русской традиции по многим параметрам отличается от европейской: в ней отражается неотъемлемое качество субъекта освоения, его главная ценность – свобода. Насколько субъект обладает свободой, настолько он обозначает свое место в правовой материи через такую конструкцию правового освоения. В конструкции технологии власти в русской культуре свобода является основой. Обладание свободой предполагает освоение правовой материи, что определяет также уровень правовой культуры.

«Термин археология власти раскрывает смысл невидимых, неисследованных аспектов реального бытия права, способствует окончательному определению сущности власти, права и конкретной индивидуальности на уровне феноменов правовой материи. Археология власти заключается в правовом освоении как «тайне», познаваемой в срезе абстрактного бытия и доведенной до уровня достаточной конкретизации. Это временной промежуток правовой материи, не совпадающий с настоящей моделью технологии власти, где сама власть осуществляется обезличенным субъектом. Такое понятие является синонимом понятия «тайна», которую содержит правовая материя. Археология власти раскрывает содержательную сторону правового освоения действительности. Она ориентируется на реальное бытие права, несоответствующее теоретическим моделям» [1, с. 127-128].

Субъект правового освоения – это уникальная свободная человеческая индивидуальность, обладающая реальной конкретностью лица. Для него образцом сущности является свобода в выборе действий и ценностное существование. Его деятельность регулируют естественные законы существования. В отечественной теории права, имеется модель личности, которая направлена на описание абстрактно-всеобщей обезличенности субъекта, что соответствует теоретическому познанию, связанному с предельно абстрактными понятиями – «человечество», «общество». Такое представление не объясняет многих индивидуализированных черт взаимодействия личности и государства, не воссоздает конкретную индивидуальность. Субъект же правового освоения действительности – конкретная индивидуальность, ориентированная на познание и усвоение правовых ценностей. Бытие личности на практике является абстрактно-всеобщим, обезличенным и не позволяет до конца реализовать собственные индивидуальные качества. Такая правовая обезличенность, кроме того, реально воплощена в законах и некоторых правовых теориях. Форма правового освоения направлена на понимание феноменов и выявление окружающих ценностей. Это освоение неразрывно связано с функционированием модели субъекта правового освоения, что проявляется в познании правовой материи, совершаемом

человеком как конкретной единственной и уникальной индивидуальностью, в осуществлении основных качеств субъекта в социокультурных связях, что является настоящим бытием конкретной индивидуальности в правовой материи. Субъект правового освоения действительности – это конкретная индивидуальность абстрактно-всеобщего субъекта, приобретаемого собственное бытие, свободу и человеческое достоинство в правовой материи. В социокультурных связях, опосредующих правовое освоение, осуществляется смысл и ценность человеческой деятельности. Средства освоения правовых ценностей, определяются по правилам, присущим моделям необходимых государству. Эти модели ведут субъект через освоение к естественным законам существования, позволяющим ему быть «атомом» правовой материи. Модели конструируются на основе следующих принципов: субъект правового освоения сам является ценностью и в процессе правового освоения осознает ценность собственного существования, действительность субъекта опосредована правом, формы правового освоения находятся в зависимости от традиции и культуры, сущность правового освоения заключается в неуклонном движении от отчуждения к присвоению определенного места в правовой материи. Характерным является освоение ценностей на уровне сущего. В каждой культуре – русской, европейской или иной имеется форма правового освоения действительности, которая обусловлена спецификой традиций культуры и является своеобразной для отдельной культуры как в теоретическом аспекте, так и на уровне правовой материи.

Правовые ценности усваиваются субъектом, что отражается в определенных структурах общественного сознания. Механизмы перестройки общественного сознания достаточно инертны, что обуславливает задержку восприятия новых правовых ценностей. Это компенсируется крайней радикальностью новых взглядов, а потому, когда рушится старая иерархия ценностей, маятник общественного мнения колеблется в сторону столь же крайней оппозиции прежней ценностной системы. Нынешний гротескный разгул демократии в России характеризуется либеральными правовыми ценностями. На противоположной стороне совсем недавно были ГУЛАГ, Освенцим, расовый геноцид. «Следует в то же время учитывать, что по обе стороны от точки равновесия маятника стоят реальные ценности, с одной стороны – ценность свободного развития личности, с другой – ценности, определяющие приоритет государства и общества. Бесчеловечны и опасны для существования общества лишь эксцессы в любую сторону. Практика показывает, что колебания не затухают, а усиливаются, что грозит катастрофой для общества. Невозможно прекратить колебательные изменения ценностных иерархий, однако, можно и нужно избегать крайних положений, когда между ценностными системами возникают непримиримые противоречия, что приводит к их взаимному уничтожению» [1, с. 128].

Рассматривая иерархию правовых ценностей как поля правовой социализации, можно прийти к выводу, что процесс правовой социализации дуалистичен, с одной стороны – это процесс освоения иерархии правовых ценностей, а с другой – процесс освоения ролей «правотворца» и «правоприменителя». Специфика же процесса правовой социализации в современном российском обществе заключается в том, что существует неприятие иерархии правовых ценностей русской культуры и основанное на этом неприятии скептическое отношение к реальным правоотношениям как к «средневековым» или же примитивным. Это отношение и порождает деформированное, квазипозитивное восприятие права, ведущее личность не к полноценному бытию в праве, а к правовому нигилизму по отношению к обществу как основному правотворческому субъекту.

Литература

1. *Бабенко А.Н.* Правовые ценности личности (общетеоретический подход). Иркутск, 2001.

28 мая 2007 г.